

Рашид Муратов

ОДИН ВДОХ

18+

Рашид Тритэ

Один вдох

<https://litres.ru/74614309>

SelfPub; 2026

Аннотация

По всей земле открываются Зеркала — двери в мир, где нельзя дышать. Там образы похожи на сон Сальвадора Дали, а каждая минута оплачена воздухом, который ты принёс в собственных лёгких.

Большинство, кто видит Зеркало, сходит с ума. Подойти к нему могут единицы, а зайти — считанные люди на всё человечество. И всё же Зеркала появляются именно там, где на них трудно наткнуться: на чердаках и заброшенных стройках, в подвалах. Словно кто-то не хочет, чтобы их находили.

Кто ставит Зеркала и зачем? И как они связаны с пронзительным чувством, что мир меняется (не в лучшую сторону), а мы теряем самих себя: эмоции стали тише, вкус еды — беднее, пробуждение — тяжелее?

И как найти ответы, если воздуха в лёгких хватает на минуты?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	81
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Рашид Кармако Тритэ

Один вдох

Глава 1

Серый неприметный пазик с тонированными стеклами припаркован за пустующим офисным зданием. У входа во двор стоят двое в форме спецслужб: в масках, шлемах, бронежилетах и автоматами наизготовку. Как обычно, не обратили на меня никакого внимания.

По двору лениво ходят еще трое, а один, тоже в маске, но без шлема, сидит на скамейке с ноутбуком на коленях. Рядом развалился и спит рыжий кот — мужчина почесал его за пузо, не отрываясь от экрана.

Заметил меня, поднял рацию и тихо в неё что-то сказал, почти сразу дверь автобуса скрипнула и отъехала в сторону.

Салон пахнет клеем и пластиком, словно его только привезли с завода, вся знакомая мне четверка уже сидит здесь: Зигзаг, Дух, Банан и Кобура.

— А мы спорим: придешь или будем нырять без тебя. — улыбнулась с заднего сиденья Зигзаг. — Я на четках нагадала, что придешь, только бусина выпала белесая, с черной сердцевинкой — у тебя что-то случилось?

Я только плечами пожал. Случилось. Рассказать, как

обычно, не могу. Кивнул полицейскому за рулем, пожал вялую руку Духа, который сидел прямо за сиденьем водителя, уткнувшись в смартфон, прошел дальше: дал пять Банану, кивнул Кобуре — дети как обычно сидят рядом. Ушел назад, сел рядом с Зигзаг. Та улыбнулась, дала себя приобнять, тут же засмузилась и поправила светлую прическу.

Жаль, я не встретил её раньше!

— Поскорее бы уже начали. — шмыгнула Кобура — некрасивая рыжеволосая школьница, которая больше отмалчивалась, а говорила всегда немного в нос. — У меня уроки.

— Уроки у неё... — приснул Банан. — Скажи еще, дома мама заругает...

Полицейский за рулем шикнул. Подростки замолкли. Разговорились, прошли по краешку запретной территории...

Мы ничего не знаем друг о друге, а спрашивать, знакомиться, узнавать настоящие имена и делиться подробностями жизни строго настрого запрещено. Зовём друг друга по позывным, которые раздал Каин. Возможно, кто-то даже не из Казани, может это только мне повезло. Но дети вряд ли. Уроки, все такое, да и как детей от учебы и родителей отрывать?

Я покосился на людей в форме. «Эти» на все могут быть способны. Например, я до сих гадаю, почему Банан при виде Каина словно вытягивается в струнку. Хотя вот Зигзаг наоборот, расслабляется.

Кобура и Банан одноклассники и больше всего напоминают ту

самую пару из любого шестого-седьмого класса: нахальный хулиган и его вечно затюканная жертва, которой он лепит жвачку в волосы. Они и выглядят так же. Кобура — толстая, прыщавая, с торчащим гнездом рыжих волос на голове. Сейчас на ней, как и на всех нас, темный облегающий костюм из мягкого пористого материала, с белым треугольником на груди, мягкие носки-чешки с гибкой подошвой и перчатки из того же материала, что и костюм. Почему-то уверен, что в жизни на ней мешковатая не глаженная школьная форма и стоптанные ботинки.

Банан — классический Вовочка из Ералаша: рыжий, толстый и улыбастый. Нахальный и дерзкий, даже нагловатый, костюм его делает похожим на хрупкого ныряльщика за жемчугом.

Раздайте нам к костюмам плащи, будем как супергерои.

За мной перед нырком всегда заезжала серая неприметная иномарка, а костюм всякий раз лежал на заднем сидении. Переодеваться приходилось в машине, на ходу. Представьте, что вы влезаете в узкий водолазный костюм, сидя в легковушке, когда нельзя ни встать, ни повернуться, ни выпрямить колени... продеть обе ноги, натянуть штаны, продеть обе руки, растянуть плечи и наконец самый кошмар — застегнуть молнию на спине!

Зато в Зазеркалье костюм прекрасно себя показывает... Там от него и нужно только одно — быть удобным и не мешать.

В машине оставляем абсолютно все, берем только одну вещь на выбор.

— Кто-нибудь знает, куда сегодня?

Вопрос больше для проформы: обо всем, как обычно, узнаем от Каина.

— Где-то в центре. — Зигзаг сидела закрыв глаза, перебирая в руках самые безумные четки в мире: на длинную, около полуметра, шелковую нитку нанизана финиковая косточка, игровой кубик, пластмассовый помидор, крестики, разноцветные кольца, черепки с ноготь из стекла, пластмассы и камней, круглые бусины самых разных цветов и расцветок...

Остановилась на одной, подняла, всмотрелась.

— Недалеко от Баумана.

Я вздохнул. Опять за свою хиромантию...

— А при чем тут эта бусина и Баумана?

Зигзаг начала терпеливо объяснять, как школьнику про дважды два четыре.

— Ну как при чем? Я из окна смотрю: светло только здесь, а дальше по всей Казани тучи. Значит там сейчас ясно и небо хорошее. А однажды, я помню, шла как-то к Кремлю и небо горело красным таким красивым закатом, словно его кто-то спичкой поджег. А теперь видишь..? — она сунула мне под нос стеклянную бусину, внутри которой переплетались вихрем яркие сине-красные полосы.

Я сделал вид, что понял, потом встал и пошел к Духу. За-

чем с безумными спорить?

— Банан, ты что... банан жрешь?

— А что? Я с утра только чай пил... Был с собой банан, я его и взял.

Помахав кожей, подросток отвернулся и щелкнул по уху Кобуру — та только засопела. Я не стал вмешиваться — у детей свой мир, пусть сами разбираются.

Я взял обычный пластиковый пакет. Попробую прихватить с Зазеркалья что-нибудь на память... хотя обманываться глупо — если получится, то тут же отберут и будут вертеть под микроскопами, измерять альфа-бетта-хренетта излучение. Потом сделают самую мощную в мире бомбу и расколят планету надвое.

Ученые же этим занимаются, я ничего не путаю?

Зигзаг каждый раз брала с собой какую-то эзотерическую фигню — то мандалу, то ловец снов, то аромапалочку, то маленького Будду из оникса. Сегодня вот четки. У Каина глаза каждый раз стекленели, когда она ему показывала свой выбор, но он ничего не говорил.

Как и ни разу не просил взять что-то конкретное. Я думаю, есть на этот счет строгие инструкции, нарушить которые он не в силах.

Я всегда беру полезное: нож, зажигалку, термометр, компас. Один раз вызов пришел в разгар рабочего дня — и я взял дареную серебряную монету, которая лежала в нагрудном кармане. А на нырке просто взял её и потерял!

Дух брал банку пива. И каждый раз оставлял её на полу перед нырком — чтобы выйти и первым делом присосаться...

Вот он встал, тряхнул длинными немытыми патлами, постучал в окошко к водителю, наклонился и что-то тихо спросил, тот мотнул головой.

— Не положено!

Дух вздохнул, сел и заерзал — а я сел рядом.

— Что не положено то?

— Да поссать не пускает, скот такой...

Я постучал, окошко опять открылось.

— Нам сейчас на нырок — а человек напряжен, а это время уменьшает раза в три. Там может вообще угла не будет где приткнуться, а мы сейчас стоим во дворе и вокруг никого нет. Вон там подворотня с мусорными баками, как раз есть где укрыться. Что случится то? Ну будь человеком!

Таки я его пробил. Оперативник щелкнул кнопкой на пульте у руля, дверь открылась, Дух благодарно посмотрел на меня и пошел справлять нужду.

Зигзаг сидела и хмурилась в окно: обиделась, что я не поверил бусине. Я помахал, пытаюсь привлечь внимание. Не хорошо сейчас отношения портить, перед нырком, да и негатив ни к чему, нырять надо на легком кураже.

Девушка не выдержала, отвернулась от окна, улыбнулась в ответ — но вдруг посмотрела куда-то за мое плечо, нахмурилась. Хлопнула дверь. Банан замолк, подобрался. Вошел Каин.

— Зеркало на Баумана, на чердаке, в десяти минутах от нас.

Мы переглянулись с Зигзаг, та улыбнулась и потрясла четками.

Каин внимательно посмотрел на нас, прошелся по салону.

— Где Дух?

Я не успел ответить — дверь открылась, вошел Дух. Мельком посмотрел на Каина, буркнул «здрасьте» и юркнул к нам.

Каин помрачнел, подошел к водителю, наклонился и что-то сказал ему на ухо. Водитель застыл секунд на пять, потом растерянно оглянулся, отдал Каину честь, вышел из машины и ушел в арку двора. С той же стороны ему на смену вышел другой полицейский.

— А того куда? — растерянно спросил Банан.

— Уволен. — коротко ответил Каин.

— Так это я его попросил... — возмутился я.

— Ты попросил, а он допустил. Ты у меня не подотчетный, а остальным приказы надо выполнять.

Я сжал кулаки.

— Задача обычная. — продолжил Каин как ни в чем не бывало. — Подходим. Готовимся. Ныряем. Выныриваем. Что с собой взяли?

Я показал пакет, Кобура — розовую ручку с баскетбольным мячом на конце, Зигзаг опять загремела четками, Дух засветил бутылку «Балтики».

— Я ужо даел! — сказал Банан с набитым ртом.

— Банда бомжей-эзотериков. — с восхищением сказал Каин. — Один идет в Зазеркалье с банановой кожурой, другой услужливо берет пакет, чтобы куда её положить... Третья в это время гадает на четках! Дело ваше. Стартуем сейчас, вопросы есть? — Каин посмотрел на всех, задержал взгляд на мне.

Я выдержал, не опустил глаза. Каин продолжил смотреть — у меня зачесался нос и защипало в глазах, наконец я моргнул и отвел взгляд. Поежился, спросил:

— Какой коэффициент?

— Один к пятиста, если округлить.

Банан присвистнул, Кобура только вздохнула. Дух пожал плечами.

— Такого еще не было... — Банан обеспокоенно завертел головой, поймал мой взгляд. — Это сколько получается? Дядя Дятел..?

— До сорока часов... — спокойно ответил за меня Каин.

— Почти двое суток. — охнула Зигзаг.

— Если не засачкуете. — улыбнулся Каин. — У детей меньше: сутки, не более. С вашими семьями, родителями, работодателями, супругами, опекунами...

Ого, опекунами! Похоже, я угадал насчет Кобуры... Банан

выглядел как вполне обычный мальчик обычных родителей.
-... вопрос уже решается. Как вернетесь, вам подберут подходящие легенды и алиби: один улетит в срочную командировку, другой «сяжет в больницу» на пару дней. Решим. Об этом сейчас не думайте.

Зеркало висит в полуметре над полом и больше всего напоминает туман, который собрался в плотный овальный сгусток с размытыми краями.

На этот раз мы посреди чердака в здании бывшей трикотажной фабрики. Вокруг Зеркала уже гудят приборы, висят провода, детекторы, мигающие лампы и черт знает что еще. За всем этим добром следят четыре человека — из них трое в полных костюмах химзащиты, прямо как в фильмах про опасные лаборатории: ярко-желтые комбинезоны, крупные шлемы на голове, больше похожие на аквариумы.

Один — просто в джинсах, белой футболке и шлепках, подкручивает ручки на темной панели, следит за лампочками. Я видел его почти каждый раз: скорее всего, постоянный сотрудник, которому очень повезло.

Большая часть людей при виде Зеркала испытывает панику, некоторые даже сходят с ума от ужаса. Кто-то тут же умирает — останавливается сердце. Еще часть заболевает и погибает в течение недели или месяца.

Процентов пятнадцать могут находиться рядом без вреда для себя, но только в костюмах полной хим- и радиозащиты.

Около трех процентов могут стоять у него хоть голышом.

Единицы могут заходить в Зазеркалье. Вернуться — всего пятеро и я в их числе.

Это все мне рассказал Каин, когда «вербовал». Зеркала появляются уже не первый год и не только в России. Были ныряльщики и до нас, а может быть, есть и сейчас: миллионные доли процента от населения планеты. Мы как алмазы в огромной гряде деревянных шариков: нас ищут, собирают, берегут.

Однажды ко мне в квартиру постучал обычный парень из ЖЭКа, проверить газ и отопление. Я закрыл дверь на цепочку, приоткрыл, спросил документы — парень показал не только их, но и длинный список жильцов остальных квартир и горестно вздохнул, что остался только я.

Прошел на кухню, проверил вытяжку, а потом достал из чемоданчика и поставил на табуретку странный прибор с кучей антенн и лампочек.

— А это чего? — подозрительно спросил я.

— Заодно излучение проверю. Слышали что-нибудь про вышки 5G?

— Это же шляпа? — я пожал плечами. — Предрассудки пенсионеров, разве нет?

— Это как посмотреть... Вот, подержите!

Дал мне какой-то тяжелый подшипник, нажал кнопку на пульте, прибор запикал — пикание было сперва низким, потом поднималось выше и выше, пока звук не стал ультразву-

ковым. Потом шарик ударил меня током, а я заорал и вырвал его на пол.

— Все, все, уже закончилось! — успокоил парень. — Это нормально.

Из прибора пошла длинная тонкая лента с синей синусоидой, похожая на диаграмму.

Парень её прочел, посмотрел на меня, потом перепроочел еще раз. Поправил очки, прочитал опять... Опять на ленту и опять на меня...

— Что-то не так?

Парень буркнул что-то себе под нос, потом быстро собрал чемоданчик и ушел.

— Я вам не подписал проверку дымохода! — кричал я от двери, пока он тыкал по кнопке лифта.

Вечером ко мне постучался высокий человек с пронзительными глазами, которому с одинаковым успехом можно дать и тридцать лет, и сорок, и шестьдесят.

— Меня зовут Каин.

— Максим... — опешил я.

— Я буду звать тебя Дятел, если ты не против. И не только я, поэтому советую привыкнуть. Ты только что заварил чаю, я буду рад выпить кружку — есть серьезный разговор...

Парней в костюмах мы за глаза называли «Мозги»: они только и делали, что без конца что-то подкручивали, нажимали, следили за мониторами и лампочками.

Первые несколько раз Каин зачитывал нам правила, но это уже наш тридцатый с чем-то нырок, потому он сразу ушел к мозгам и тоже мрачно смотрел на лампочки и экраны, иногда тыкая в них пальцем и вполголоса кому-то что-то выговаривая.

Мы же просто готовимся, кто как.

Дух лежит на спине посреди чердака и смотрит в потолок. Зигзаг сидит в позе лотоса с прямой спиной и закрытыми глазами, перебирает четки и что-то шепчет. Банан ковыряет пол носком кроссовка и раскачивается на деревянном стуле, который неведомо откуда взялся на чердаке. Кобура сидит на доске поверх кучи кирпичей и листает учебник.

Я лег рядом с Духом, голова к голове, ногами в другую сторону. Безо всякой задней мысли. Человек — существо социальное и старается быть ближе к себе подобным

Мы лежали так минуту, две, а потом он заговорил, вполголоса.

— Мне сегодня самолет снился.

Я приподнял голову и осторожно посмотрел в сторону Каина. Он что-то показывал на панели парню без костюма, тот активно кивал, скрестив руки на груди.

— Лечу на нем, на месте пассажира, в середине салона. Кругом люди, стюардессы снуют, курицу предлагают. Рыбу. Орешки. А потом самолет взял и рухнул вниз.

Все разговоры, которые касаются наших жизней, всегда жестко пресекаются — запрещено, черт знает, почему. Но

мы ловим редкие возможности поделиться эмоциями, мыслями, планами. Открыто про жизнь вне нашей «работы» не говорим — духу не хватает. Вдруг за нами следят тогда, когда мы не знаем... Но про сны ещё не говорили.

— И ты проснулся?

— Нет. Меня придавило обломками, я долго лежал и ничего не чувствовал. А еще один человек из самолета выжил — его потом сожрала живая дорога, на которую мы упали. Представляешь, живая асфальтовая дорога? Отрастила каменные руки, схватила его, разинула здоровенную зубастую каменную пасть и запихала его туда.

Мы помолчали. Я пытался понять, что говорят в таких случаях.

— Тревожно как-то, Дятел. Мне всегда тревожно перед нырком, но сегодня особенно.

— Далеко от Зеркала не отходи — как дети обратно нырнут, выжди секунд пять для вида и тоже уходи.

— Не хочу быть обузой.

— Ты не обуза, Дух! — ухмыльнулся я. — Ты просто унылая жопа, но это не зазорно. Я за тобой присмотрю, расслабься.

— Не могу.

— Не можешь — не иди.

Не ответил. Наверное, обиделся на «унылую жопу». А я начал лежать и следить за дыханием. Вдох — выдох. Вдох — выдох. Говорят, ныряльщики за жемчугом, полчаса перед

нырком медитируют на дыхание: тогда сердечный ритм замедляется и тело потребляет меньше кислорода... Вот я сейчас лежу и слежу, как раздуваются ноздри, а влажный воздух чердака проникает в носоглотку и дальше — вдруг поможет?

А Дух дурак. Страдает, сам себя мучает.

Меня пощекотали по щекам и мочкам ушей, пальчиками прошли по шее, коснулись губ. Надо мной нависла Зигзаг, сев так, что коленки чуть не касались моей головы.

Интересно, у неё есть кто-то?

— Мне вот что выпало. — она показала белый черепок с черными глазницами со своих безумных четок. — Будем настороже, ладно?

— Только если обещаешь почаще так меня будить перед нырком. — улыбнулся я. — Знаешь, что череп у мексиканцев — это добрый знак? Они вообще уважают смерть и с большой любовью относятся к останкам людей, поэтому все у нас будет хорошо.

— Расцеловала бы такого уверенного тебя, но к нам сейчас уже командор подойдет, засмущает...

— А если не успеет..?

Но она оказалась права, как и всегда. Тихие, но уверенные шаги простучали к нам от жужжащих приборов.

Каин умный: понимает, что нам сейчас важно быть ослабленными. Как и обычно перед погружением, он перестал быть жестким командиром: не приказал, а тихо и вежливо спросил:

— Ну что, ребят, начинаем?

Глава 2

Какое-то время впятером стоим вокруг Зеркала, всматриваемся в пульсирующий белесый туман, по которому бегают крупная рябь. Я дышу спокойно, стараясь больше расслабиться. Дух частит, дышит прерывисто и часто. Зигзаг тербит четки.

Дети просто стоят. Кобура смотрит в пол, а банан сияет как медный таз — пацану нравится каждое погружение, для него это путешествие в волшебную страну.

В дальнем углу чердака засуелился, зашелестел голубь, вылетел на улицу через маленькое чердачное окошко. Я почувствовал: пора. Сделал глубокий вдох, потом выдохнул весь воздух до последней капли, жадно втянул его снова и шагнул в туман.

Первая минута.

Это как если ты нырнул в спокойное летнее море. Воздух загустел, тело под тонким слоем неопрена, но лицо и кисти чувствуют прохладу. Ты ничего не видишь, стоишь в тумане. Так продолжается недолго, всего пару секунд, потом туман рассеивается и проступает Зазеркалье.

Оно может быть похоже на обычный мир — ты стоишь на пляже, горной тропе, или зеленом лугу. Вот только травинки и луговые цветы на поверку оказываются хрупкие и ломаются от любого касания пальцев, а волны на море недвижимы,

словно замерзли или кто-то могучий щелкнул пальцами и остановил время. Песок же, напротив, течет, как река, проваливается под ногами, а еще на нем постоянно появляются чьи-то следы, но ты никого не видишь.

Или ты можешь оказаться словно в картине Босха: хаосе из человеческих и звероподобных фигур которые прячутся по углам странного зала неправильной формы — то ли тебя не замечая, или боясь, а то и вовсе не считая нужным обращать внимание.

Или ты видишь забытый город на планете другого конца вселенной, где все наоборот и на белом ночном небе чернеют точки звезд, а с поверхности планеты отрываются и улетают вверх капли дождя.

Один раз я оказался у морды гигантского паука с жвалами в несколько метров и десятками глаз, которые смотрели на меня — я тут же прыгнул обратно, увлек и вытолкнул всех за собой!

Еще раз вышел посреди огня: холодного, живого и очень-очень злого.

Тридцать нырков и каждый раз мы не могли предугадать, что ждет нас по ту сторону. Поэтому каждый раз было жутковато и приходилось готовиться к чему угодно.

Сегодня Зазеркалье оказалось мечтой Сальвадора Дали.

Представьте, что земля исчезла, а небо — огромное пространство, полное голубого неба и белых облаков — осталось. И эту пустоту пересекает бесконечное длинное авто-

мобильное двухполосное шоссе. Изгибается, завязывается в узлы и путается в клубки, перекручивается в километровые мертвые петли, словно огромный серпантин, которым выстрелили из хлопущки в невесомость, он покружился, перемотался и завис.

Вот на таком шоссе я оказался. Плотная серая дорога с белой пунктирной разметкой уходит в обе стороны, один конец далеко впереди заворачивается колесом и теряется в сером клубке, второй — метров через двадцать падает вниз — проходит прямо под нашей дорогой, метрах в пяти, параллельно ей, поодаль закручиваясь вверх в крутом вираже.

Все бесконечное пространство заполнено этой серой скомканной лентой-дорогой, а мы стоим на верхней части одной небольшой её петли.

Из-за моей спины вышла Зигзаг, восхищенно глядя вокруг. «Красиво!» — показала мне жестами и улыбнулась. Из уголка губ оторвался пузырек воздуха и улетел наверх, в синюю небесную пустоту.

Говорить здесь невозможно, поэтому мы общаемся на языке глухонемых: каждый изучил самые простые слова и фразы под чутким руководством Каина и получил на руки методичку с более сложными фразами.

«Изучать почти нечего» — ответил я. — «По дороге далеко не уйдем, больше тут ничего нет. Надо возвращаться». «Давай постоим. Здесь здорово».

Я махнул рукой, почему бы и нет. Обернулся: мальчик с

девочкой уже осторожно шли по другую сторону дороги, Банан подошел к самому краю и осторожно заглянул вниз, испуганно отпрыгнул, медленно приземлился на пятки, чуть не упал. Я погрозил ему пальцем.

Дух подошел ко мне.

«Здесь вкусно» — показал он жестами, перепутав от волнения «вкусно» с чем-то другим. Возможно, хотел сказать «нормально», или «странно». На всякий случай я кивнул и показал большой палец.

Его грудь уже дергается. Переволновался и у него почти сразу пошли контракции — сокращения диафрагмы, которая требовала прекратить это безумие: выдохнуть едкий углекислый газ и вдохнуть кислород. Насколько я изучил Духа — ему гордость не позволит уйти прямо сейчас. Подождет, пока первыми в Казань убегут дети и шагнет следом...

Самое главное в Зазеркалье — воздух. Он густой. Не такой как вода — в нем не получится плавать. Он как в страшном сне, когда очень хочется бежать, но не получается — перебираешь ногами, изо всех сил гребешь руками, а движешься с черепашьей скоростью, пока за спиной тебя настигает монстр!

Здесь нельзя дышать. Все, что у тебя есть — один вдох, который ты забираешь с собой.

Нырке на десятом мы привыкли и перестали возвращаться после первых позывов вдохнуть и сейчас каждый из нас мог пробыть здесь минуты по три. Мой личный рекорд —

три минуты сорок четыре секунды. Скорее всего, могу и больше, но проверять не рискую...

Вторая минута.

Грудь дернуло: диафрагму сократило первый раз. В плечах и шее началась неприятная ломота, знакомая каждому, кто хоть раз попадал в вонючий лифт или подворотню, пропахшую канализацией, — и пытался как можно дольше не дышать.

Уже к концу второй минуты легкие начнет жечь огнем, мышцы сводит судорогой, диафрагма разрывается от сокращений — тело просит кислорода! А дышать здесь нельзя — сорвешься, сделаешь вдох, легкие тут же заполнит местный густой воздух, которым нельзя дышать... и ты утонешь, как если бы плыл под водой. Группа вернется без тебя.

Выходим мы всегда по-одному, на этот счет опять есть строгие инструкции: нельзя браться за руки, помогать другому, вытаскивать... Каждый сам за себя.

Все таки «Они» — как мы называли мифических людей, которые управляли исследованием Зазеркалья — редкостные негодяи. Как можно на это всё подписывать пятиклашек? Это же опаснее, чем идти по минному полю с завязанными глазами!

Зигзаг и Дух ушли чуть вперед. Осторожно подошли к краю, посмотрели вниз и залюбовались.

Чтобы отвлечься от неприятных ощущений в груди, я наклонился, погладил шершавую поверхность дороги: асфальт

асфальтом. Создатель этого места позаботился о деталях — серые и черные камешки, мелкие осколки стекла, вмурованные в черную массу, застывшие капли битума, в одной из них я даже заметил торчащий край крышки от пивной бутылки. Асфальт теплый, как под летним солнцем, но вот отломать кусочек, положить в пакет и взять с собой — не выйдет...

Вдруг раздался гул. Я завертел головой, пытаюсь найти источник звука... Зигзаг и Дух тоже отлипли от бездны, встали, повернулись, широко раскрыли глаза. Зигзаг показала куда-то за мной и вверх. Я обернулся и, наверное, поседел.

С небес, со стороны Зеркала, на нас падает, заваливаясь на бок, пассажирский самолет. Двигатель на правом крыле горит, выбрасывает огонь, дым и искры.

Банан и Кобура тут же шагнули в Зеркало. А вот мы втроем — я сразу увидел — не успеем. У нас оставались считанные секунды, потом нас раздавит.

Я развернулся и побежал к краю дороги и прыгнул вниз, на полосу под нами, Зигзаг и Дух прыгнули следом.

Взрыв. Приглушенный грохот, скрежет металла, звон бьющегося стекла. Дорогу тряхнуло, но тонкое серое полотно над нами не смялось, не упало — самолет разорвало и теперь по обе стороны от нас падали горящие обломки. Пролетел мимо здоровенный хвост — споткнулся о моток дороги ниже и рассыпался по нему на огонь и металл.

Нестерпимо захотелось вдохнуть.

Третья минута.

Выйти можно только через Зеркало, а оно надо нами — чтобы подняться, нужно пройти по дороге около тридцати метров, подняться по крутому асфальтовому изгибу. Мы убедились, что обломки больше не падают и пошли, изо всех сил стараясь не торопиться.

Я забрался наверх первым, держась за край серого шершавого полотна. Дернулся в сторону овального туманного сгустка, вокруг которого лежали обломки самолетной обшивки, потом сообразил, что нужно помочь остальным. Спустился на самый крутой отрезок подъема, дал руку Духу, вытянул его, протянул руку Зигзаг.

Та потянулась и вдруг обмякла. Глаза закрылись, руки безвольно опустились и девушка съехала по подъему вниз, перекатилась на самый край дороги, да так и осталась лежать. Четки выпали из руки и упали в голубую бездну.

Дух уже медленно бежал к Зеркалу — оно метрах в двадцати. Согласно инструкции, из Зазеркалья каждый выбирается сам, других спасать нельзя.

Я спрыгнул с дороги вниз и мягко, по тугому воздуху, как во сне, спланировал рядом с девушкой, поднял её на руки.

Худышка — килограмм пятьдесят. Я и в жизни в шутку поднимал её на руки, а здесь она не тяжелее крепко набитого рюкзака.

Шею свело судорогой, пальцы и ступни ног начали неметь — тело требовало кислорода. Я попытался расслабиться, чуть разбежался, чиркнул свободной рукой за асфальт и ка-

ким-то чудом умудрился подняться наверх, едва не уронив девушку обратно в пустоту. Потерял по пути половину воздуха из легких. Там уже не было кислорода, но с полной грудью легче терпеть.

Четвертая минута.

До Зеркала всего ничего, но ноги подкашиваются и в глазах плывет. Легкие рвут и мечут, требуют воздуха так настойчиво, что хочется порвать костюм и разодрать себе грудь. В ушах шумит, в висках пульсирует. Сводит руки и ноги.

Чтобы не выронить, я крепче прижал Зигзаг к груди, и понес к Зеркалу, обходя искореженные куски металла по пути. От некоторых идет дым и веет жаром. Запоздало думаю: а что, если куски самолета попали в Зеркало, а следом и в людей по ту сторону? А то и чердак загорелся, следом дом и мы сейчас выйдем посреди пожарища?

Дух уже за два шага до Зеркала — пошатнулся и рухнул на асфальт.

Доли секунды хватило, чтобы понять — двоих я не унесу. Гад ты, Дух! Пару метров не дошел. Чуть-чуть не хватило — чего тебе стоило просто перед нырком просто успокоиться и не травить себя дурными мыслями?

В ушах зазвенело, мысли заволокло приятной дымкой. Грудь выворачивало, ноги подгибались, руки онемели до локтей, но мне вдруг стало все равно. Я попытался испугаться, но не получилось, и просто сделал еще шаг. Потом еще

один. И еще. Проходя мимо тела Духа подумал, что могу отключиться прямо как он — за шаг до выхода...

Грудь свело спазмом, в глазах потемнело. Меня вырвало — я выплюнул остаток воздуха из легких, в последний момент перекрыл доступ смертельной атмосфере Зазеркалья и шагнул в Зеркало, с Зигзаг на руках, чувствуя, как окончательно немеют руки, губы и темнеет в глазах...

Жадный вдох — первый, самый вкусный, самый сладкий. Я чувствую нотки смолы и дерева в воздухе чердака, запах сухой стружки, которой наполнен пол, едкий привкус озона и дышу, дышу... Как вкусно. Как свежо. Так сегодня для меня пахнет жизнь — свежестью, озоном и смолой.

Зазеркалье отпустило.

«Блэкаут» — потеря сознания от недостатка кислорода.

Сперва кислород кончается в легких. В них копится углекислый газ: сперва немного, но потом больше и больше, пока едкая кислота доверху не заполнит грудь.

В какой-то момент кислород расходуется из крови. Такого в обычной жизни никогда не случается, для того у нас в легких и помещается пять-шесть литров воздуха.

Ткани тела страдают от избытка углекислого газа. Недомогание в руках, ногах, груди, животе... Но тело еще может жить без кислорода, пусть недолго. Мозг — нет. Чтобы спасти командный центр, тело начинает отключать все, что пока может подождать — немеют пальцы, губы, лицо, ноги, руки...

В какой-то момент кислорода становится совсем мало и

тело, чтобы спастись, отключает сознание и ты падаешь в темноту. Потому и «Блэкаут». От английского «Black Out» — затемнение.

После этого у тебя есть еще минут 5, чтобы начать дышать, после этого мозг умирает.

Зигзаг переволновалась и отключилась. Дух блэканулся за шаг до спасения и остался в Зазеркалье. Я вышел на пределе, секундой позже — мы втроем остались бы на той асфальтовой полосе.

Отдышался, убедился, что тело меня снова слушается, обернулся — Зеркало тает как облако тумана, когда восходит солнце.

Чердак цел, ни следа обломков самолета.

Зигзаг рядом на стружках, Каин делает ей искусственное дыхание, а к нам уже подбегает мозг, несет кислородный баллон и маску.

Голова кружится. Шатаюсь, я приподнялся, чтобы предложить помощь, но Каин, не вдаваясь в объяснения, меня отпихнул.

— Уйди! Я сам.

Действительно, что я тут могу? Только мешаюсь. Я сел на стружки. После очередной серии дыхания рот в рот и давления на грудь Зигзаг резко вздохнула — Каин тут же, не глядя, протянул руку, схватил кислородную маску, закрыл девушке рот и нос, а «мозг» повернул вентиль на баллоне.

Еще минута и девушка открыла глаза.

— Тихо, тихо. Все хорошо, лежи.

Зигзаг беспокойно завертелась, а потом нашла глазами Каина и успокоилась.

Каин встал и, не глядя на меня, прошел к мозгам, которые все копошились у приборов, что-то вполголоса обсуждая. С Зигзаг остался парень без костюма. Я пошел следом.

— Духа нет.

Каин не ответил. Мозги замолкли и теперь стояли, больше напоминая роботов в скафандрах.

— Духа нет. — повторил я, решив, что он не услышал.

— Зачем ты её вытащил? — бросил Каин, разворачиваясь и глядя на меня в упор. — Ты дурак?

— В смысле? — опешил я.

— Ты же знаешь правила. Мы до сих не понимаем, как работает Зеркало. — Каин мотнул головой туда, где оно висело минуту назад. — Может, тебе бы руки отрубило? Или сшило вас воедино? Или разорвало? Или вы срослись бы в одно сиамское чудовище с четырьмя руками, ногами и о двух головах? Или просто убило еще и тебя, просто заодно. От Зазеркалья можно ждать чего угодно...

— Но я же её спас...

— Да, спас. Молодец. — неожиданно кивнул Каин и су-рово улыбнулся. — Ты первый за всю историю, кто рискнул. По счастливой случайности, это ни к чему плохому не привело. Герой.

Какой я герой? Сам еле вышел, чуть там не остался...

— Что случилось с Духом? — Каин вопросительно смотрел на меня.

— На нас самолет упал... — пробормотал я, словно оправдываясь.

— Значит, самолет... — приподнял он бровь. Один мозг наклонился и что-то сказал ему на ухо — несмотря на костюм, Каин услышал.

— Он говорил тебе что-то перед нырком?

— Про сон рассказывал...

— И там был самолет?

Я молчал.

— Отвечай!

— Ну был... — признался я.

— Идиоты. — Каин говорил беззлобно, но меня словно током било каждое его слово. — Правила — это не моя блажь. Они, даже самые идиотские, писаны кровью и жизнями ныряльщиков до вас. Особенно самые идиотские...

— Если бы я не услышал про самолет, он бы не появился..? — осенило меня.

Каин хотел мне что-то ответить, как вдруг мозг опять к нему наклонился. Каин помрачнел.

— Пойдем, я тебя подвезу. Зигзаг полежать нужно, парни о ней позаботятся.

Ехали по ночной Казани молча. Моя одежда лежала на заднем сидении и, пока Каин бегал в турецкую забегаловку,

я переоделся в привычные джинсы и футболку, не вылезая из салона. Неудобно до ужаса, но все равно лучше, чем в тех же условиях натягивать на голое тело неопрен.

Себе Каин взял кофе, мне протянул стакан сладкого чая и вафельную трубочку. Я отпил, но перед глазами у меня всё стоял падающий с небес на асфальтовую ленту самолет и Дух, который падает за шаг до Зеркала. Раз за разом.

Проехали Кольцо, Баскет Холл и ехали теперь к Суконной слободе. Каин припарковался чуть дальше остановки. Я обнаружил, что так и не откусил вкусной вафли, снял рюкзак и положил лакомство туда, чай оставил — допью по пути в подземку.

Протянул руку Каину, чтобы попрощаться, а тот вдруг заговорил.

— Одна из рабочих версий — что Зеркала убивают каждого ныряльщика в момент нырка.

— В смысле? — я чуть чай не пролил. — Вот я вроде живой.

— И что из Зеркала выходит не человек, а его копия, которая ведет себя как оригинал. — продолжил Каин. — Но на деле являясь агентом Зазеркалья, которая собирает данные, а после уходит на родину, передает и получает новые инструкции...

Я гоготнул.

— Так нас, получается, убить уже всех давно должны были? На всякий то случай...

Вместо ответа Каин молчал и мне очень не понравился оттенок этого молчания. Кладбищенское молчание. Мраморное, холодное, мертвое.

Наконец прокашлялся.

— Это только одна из версий, и далеко не основная. Но я не могу, не имею права её отбросить — наряду примерно с тысячей остальных. Фишка в том, Дятел, что мы даже не знаем, в какую сторону мы должны пытаться что-то узнать. Появляются Зеркала. Большинство людей они приводят в ужас, еще часть умирает просто на них посмотрев... Появляются они, словно по заказу, на чердаках и заброшенных стройках — там, где людей почти никогда не бывает. Но тогда почему не в тундре или в Арктике? На дне океана? Что, если завтра такое Зеркало появится на Арбате, посередине Баумана? Или в Кремле, в небе над Москвой, Питером? Лондоном, Нью-Йорком..?

Я допил чай — заваренный из дурацкого безвкусного пакетика, набитого соломой и пылью, разведенный с тремя ложками сахара и попытался понять, зачем Каин мне это говорит.

— ...Только единицы могут туда войти. Куда именно — мы не имеем понятия и что там происходит — тоже. Знаем только, что время там сжимается. Там минута — здесь десять, полчаса, час, или несколько часов, или день... Дышать там почему-то нельзя и воздуха с собой запас взять — тоже. А еще творится какая-то дичь... Ты это лучше меня понима-

ешь. Взять хоть бы сегодняшний нырок...

Взять хотя бы Духа. Паренек с длинными невымытыми патлами и вечной депрессией, который увидел во сне самолет, рассказал мне — и самолет появился в Зазеркалье. Получается, там все зависит от того, что мы знаем? Вернее, от того, что знают двое и больше, а если знает один — это не считается?

У меня аж волосы шевелились. Я почувствовал, что маленький пазл встал на место. Он пока толком ничего не значит и картину не открывает, но... один — это уже кое-что.

— Поэтому мы и движемся даже не с черепашьей скоростью, а с прытью одноногой слепой улитки-инвалида. Щупаем осторожно, по миллиметру, боясь дыхнуть не в ту сторону. Человечество до сих пор не сдохло — уже хорошо. Сможем продлить эту приятную тенденцию, пока нас не спишут на пенсию — считай, план мы выполнили. Что-то поймем и применим себе на благо — вообще мечта! А уж куда вы там попадаете — в собственные фантазии, тонкий мир, параллельную вселенную, сон Ктулху или Черную дыру в центре галактики — это, по большому счету, без разницы. Важно — чем нам это грозит и что с этим делать? Какие риски и каков план.

— Тогда их может просто не трогать? Сами закроются?

Каин помолчал полминуты, словно оценивая, может ли говорить.

— Самому старшему Зеркалу сейчас четыре года, два ме-

сяца, три дня, восемь часов и... — он посмотрел на часы. — ...двадцать девять минут. Мы специально его оставили, чтобы узнать, сколько оно может простоять и будут ли меняться его свойства. Стоит до сих пор.

Мы помолчали.

— С Зигзаг точно все будет в порядке?

— Конечно. Потерять сознание в Зазеркалье — это то же самое, что и под водой. Если сразу вытащить, то не страшно.

— То есть, были и другие, кто доходил до блэкаута и возвращался?

— Некоторые плохо рассчитывают силы и теряют сознание уже в момент перехода, выпадают из Зеркала уже в бессознании. Примерно как ты сегодня... Не переживай, ничего с ней не случится. Парни её вместо меня опросят, расскажет им про самолет, или что-то она там увидела на его месте...

У меня опять мурашки по телу побежали.

— То есть мы видим разное? И после выхода каждый рассказывает свое? Поэтому вы нас и опрашиваете раздельно?

Похоже, Каин понял, что сказал лишнее и осекся.

— Мой рассказ расходится с рассказом Банана, или Зигзаг...? А она видела не самолет, или даже не асфальтовую дорогу? Это только для меня и Духа?!

Каин скрипнул зубами и посмотрел мне в глаза.

— Ты смерти моей хочешь? Я и так на чердаке чуть не сказал больше, чем должен, если хочу остаться в живых и на должности. Иди давай.

Я открыл дверь и вышел, ощущая, как бегают мурашки по телу. На место встал еще один пазл. Тоже небольшой, но совсем рядом с прошлым. За один нырок я узнал больше, чем за прошлые тридцать.

— Дятел! — окликнул меня из машины Каин. Я оглянулся.

— Надеюсь, теперь ты понял, как важно не обсуждать лишнего с теми, с кем ныряешь.

Глава 3

Знаете, сколько я получаю за каждое путешествие в неизведанный мир, на одном вдохе и со смертельным риском для жизни?

12 792 рублей, российский МРОТ.

Но деньги — дело десятое. Каждый раз после нырка я словно отхожу от опьянения, или безумия, или сна. Этот сон был фантастикой, но верить в него хотелось гораздо больше, чем в обычную жизнь.

Эта фантастика начиналась сразу со звонка Каина, с его коротким деловым: «Приготовься. За тобой заедут в течение часа».

Тут же все становится по-настоящему: я быстрее соображаю, смелее действую. Во время нырка я другой человек, а может и не человек вовсе. Словно открываются глаза и отходит в груди пленка, которая отделяет меня от того, кем я хочу быть.

Каждый раз перед погружением испытываю нездоровый интерес — а что там дальше?

Сейчас я еду в метро, вокруг меня люди едут с работы домой, а завтра утром они проснутся и поедут на работу — и так делают последние лет десять, а то и двадцать. Нет для них других миров. Рассказать кому из них, где я был последние сутки — решат, что я наркоман и был «под кайфом».

Мне же сейчас нужно что-то соврать жене про то, где я был эти два дня: Каин обещал каждому дать алиби, но вышла суета и это как-то забылось...

«Станция метро — Горки».

Уже у дверей я увидел, что передо мной, лицом к выходу, стоит Дух.

Остолбенел на пару секунд, потом осторожно положил руку ему на плечо — тот развернулся и оказался совсем другим парнем. Просто волосы такие же длинные и немытые, сальные, патлами до плеч, и сам парень такой же упитанный, даже джинсы похожи и поверх них темная потертая куртка с капюшоном. Только глаза отличались: усталые, но живые, а встретившись с Духом взглядом, уже можно было впасть в депрессию.

— Извините... — пробормотал я, смутившись. К счастью, двери вагона распахнулись и я вышел, подвинув парня плечом.

Интересно, долго он мне мерещиться будет?

Пискнул смартфон. «Зачисление 19188 р Сбербанк. Баланс...» На ходу подвел баланс на калькуляторе — сумма ровно в полтора раза больше обычной. Премию дали за спасение утопающих, что ли?

«Меня повысили или это за то, что вытащил Зигзаг?» — написал я смску Каину. Лет через сто весь мир будет контактировать через нейроинтерфейсы и VR, а спецслужбы продолжат общаться через рации и смс.

Наверное, чтобы зарубежная контрразведка кусала локти, безуспешно пытаясь найти в телеграмме чаты ФСБ или СВР. Смартфон пикнул.

«Согласно регламенту. Моральная компенсация при потере напарника».

Премию за то, что бросил человека в Зазеркалье, я потратил недалеко от своего дома, в Ашане через Горьковско-Аметьевский парк. Хватило на большой торт-пломбир, красную рыбу, здоровый кусок сыра с плесенью, дорожные спагетти (500 рублей пачка, но зато черные, с чернилами каракатицы). Еще взял французский батон и большой блин пуэра. И самое главное — два литра апельсинового сока, и килограмм апельсинов. Всякой мелочевки пожрать, гречки там, кефир, молока и творога. Еще букет цветов.

На кассе понял, что психанул: на покупку ушла не только премия, но и часть обычной суммы, а я уже запланировал всю её перевести за аренду квартиры. Шел к выходу, скрежеща зубами: можно было ограничиться одними апельсинами — их строго наказано есть по выходу из Зазеркалья, так как в теле резко падает содержание витамина С.

На выходе из Ашана я замер: мимо меня прошла Кобура, с аппетитом наворачивая желтый болгарский перец.

Сперва подумал, что мне чудится — как с Духом в метро, но потом присмотрелся... она! Даже без черного облегającego костюма спутать ее нельзя — растрепанные волосы,

мешковатая школьная форма, стоптанные кожаные ботинки и потертый рюкзак — все в точности, как я и представлял.

Идет и перец себе грызет...

Я двинулся следом, не решаясь окликнуть и не представляя, что делать дальше.

Мы прошли так шагов пятьдесят, а потом она обернулась и посмотрела на меня в упор, продолжая жевать перец. Я тут же почувствовал себя маньяком-извращенцем, который преследовал ребенка, а его застали врасплох и направили камеру, которая транслирует прямой эфир на Первый канал.

— Здравствуй, дядя Дятел!

— Привет, Кобура. — растерянно ответил я.

Она подошла, посмотрела на ашановский пакет в моих руках, ткнула пальцем в апельсины.

— Витамина «Ц» в желтом перце больше, чем в апельсинах, ты разве не знал?

Я помотал головой.

— Такой взрослый, а не знаешь... — вздохнула девочка.
— Держи.

Достала из кармана перец и протянула, а я ей в обмен — пару апельсинов. Сунул перец в пакет. Обернулся, опять чувствуя себя преступником или еще кем похуже.

— Ты живешь где-то здесь?

— Да, вон в тех домах. — она махнула на новостройку за дорогой. — Только нам про это нельзя, разве нет?

Вокруг ходят люди, тащат из Ашана такие же тугие паке-

ты, как у меня. Хрустят чипсами и чавкают пирожными. Мы рядом с большой автомобильной парковкой — вечер пятницы и она заполнена больше половины, машины то приезжают, то уезжают, и понять, не смотрит ли кто на нас, нет никакой возможности. Пялится кружок камеры над входом, а еще чертовы видеорегистраторы в машинах...

Я не удержался.

— Скажи, а что ты видела сегодня, когда... когда мы нырнули?

Девочка вроде удивилась вопросу.

— Лес большой. Деревья высокие, как до неба. Мы пошли посмотреть на озеро, а деревья потом как начали падать... Мы с Сережей...

— Сережей? — переспросил я.

— С Бананом. Мы давно сказали имена друг другу, на ухо — это только вы взрослые такие послушные... Так вот мы с ним добежали и раньше вас вышли, а дядя Каин нас расспросил, сказал не волноваться и идти домой. А что было потом?

Я помолчал полминуты, оценивая: что стоит говорить, а что нет. Пожалуй, мои открытия знать девочке незачем. Была бы здесь Зигзаг — другое дело. Еще раз все взвесил...

— Дух не вышел. Мы теперь без него.

Девочка замерла на секунду.

— Как это «не вышел»?

Не хватало мне еще ребенку вводить в тему смерти! «По-

нимаешь, девочка... Люди приходят и уходят, а память о них остается...»

— Не успел. Они оба потеряли сознание, я Зигзаг вытащил, а его не смог, сам чуть не отключился...

— Значит, умер... — легко вздохнула Кобура. — Хорошо, что ты вытащил Зигзаг! Дух грустный и скучный. А с Зигзаг — весело.

Жутковато мне стало. Не от цинизма, его и у меня хватало — а от того, что звучал он от двенадцатилетней девочки...

— У меня мама умерла год назад, но она от рака умерла. — продолжила она.

— А сейчас?

— С папой живу. Он хороший. — улыбнулась девочка и посмотрела на маленькие синие наручные часики. — Мне идти пора, а то он волноваться будет.

Самая серьезная в мире школьница протянула мне ладонь, я её пожал — чувство, что мне на руку приземлился воробушек.

— Кстати, меня Ксюша зовут. — и пошла к повороту за магазин, не прощаясь и не ожидая, пока я отвечу.

— А меня — Максим... — сказал я ей вслед. Она помахала, не оборачиваясь и я даже не понял, слышала она или нет.

Вот, значит, как? Лес, деревья до неба, и потом они как начали падать?...

От Ашана нужно перейти дорогу, пройти мимо Макдональдса и по деревянной тропинке перейти через березово-сосновый лес, потом по прогулочным тропинкам в сторону метро, где и стоит мой дом.

Еще на середине леса я запыхался, четвертый раз поменял руки и почувствовал себя идиотом. На чернила каракатицы в спагетти денег у меня хватило, а двести рублей на такси до дома нет — наверное, так и выглядит «психология бедности».

— Ты где был, Макс? Я второй день на нервах!

А вот так выглядит «устал как собака» — это когда сначала слышишь голос из телефона и только потом понимаешь, что ты уже поставил пакеты, достал трубку, принял звонок и нужно что-то ответить...

Ну привет, Машка.

Я отругал про себя Каина — обещал же дать алиби! А теперь выкручивайся как хочешь...

— Привет, я все хотел тебе позвонить...

— Опять врать будешь?

— Ну зачем так сразу? Я сейчас домой приду и тогда поговорим. Давай не по телефону?

— Макс, нам вообще есть о чем говорить? Ты же постоянно ходишь как воды в рот набрал, все думаешь что-то там себе... Ты уже давно не со мной! Ты не заметил? Я вот заметила...

Машка, Машка... Когда я пять лет назад вылетел с филфа-

ка, она меня не бросила. Более того — мы расписались, сняли квартиру. Я на полгода погряз в жарком аду кухни Макдональдса, а она — пошла на стажировку в МВД.

Представьте себе! Студенты, которые отличились на фonetическом анализе, получали ставку в органах, принимали участие в расшифровке записей телефонных звонков: составляли психологический портрет, предполагали национальность, а также искали в записи все, что могло навести на объект: звуки самолетов, машин, рекламы... Работа Шерлока Холмса, только не вылезая из ноута и наушников!

Мы жили. Я работал, она училась и стажировалась, приходя домой поздно и уставшая, но с горящими глазами, все рассказывала всякие истории. Пыталась меня куда-то вытащить, с кем-то познакомиться.

Я же — полгода отпахал в Маке, потом психанул, купил в кредит ноутбук и стал писать на заказ статьи. Маша окончила вуз с красным дипломом и теперь работала главным редактором в новостном портале, иногда выезжая «по вызову» в управление. Отличилась на стажировке, её там ценили и держали как специалиста вне штата.

Когда меня завербовал Каин, то я первое время гадал — знает ли она что-то... тоже ведь в органах работает. Пускай я на правах чернорабочего, а она — независимого консультанта. Но со временем убедился, что про наш отдел знают только те, кто к нему относится напрямую.

Машка социальный человек. Красивая стройная белоку-

рая девушка, с умными глубокими глазами. Любит хорошо одеваться, умеет общаться с людьми. У неё есть своя шумная веселая компания, с которой она гоняет на брейн-ринги, квесты, квартирники, тусовки. Все пыталась вытащить меня, с кем-то познакомить, а для меня лучший отдых — в одиночку, с интересной книгой, игрой на ноуте под хорошую музыку в наушниках, либо на крыше с чаем термоса.

Такой вот я тихий и странный.

Спрашивается, зачем ей парень без образования, толковой работы и умения хорошо устроиться в жизни? Выпавший из обоймы патрон, который уже стал покрываться ржавчиной, в свои неполные двадцать восемь. Наверное, и ей эта мысль пришла в голову.

Интересно, кто из нас подумал об этом раньше?

Мы начали отдыхать раздельно. Год назад начались нырки и я стал пропадать — на вечер, на полдня, на день, на пару дней. У нас все происходит быстро, я не успеваю ничего сказать Машке. Алиби у меня чаще всего есть, но и бывают косяки как сегодня и я выкручиваюсь как умею, но вру я плохо.

Сперва Маша злилась, потом скандалила, а в последнее время начала молчать и делала вид, что ничего не происходит.

Да и о чем говорить? Она строит карьеру, а у меня все мысли о Зазеркалье — я каждый раз прихожу с нырка с бурей эмоций и не могу никуда их деть — ровно до следующего раза, когда возвращаюсь к Зигзаг, Банану, Кобуре и Духу

и мы можем хоть чуть-чуть обсудить то, что для нас по-настоящему важно!

Еще и спали мы теперь раздельно: она в спальне, я на диване в гостиной, который мне лень раскладывать.

— Макс, я уезжаю в Москву. Мне работу предложили и я согласилась.

— А со мной это обсудить?

— Я и хотела. Вчера. — сухо отчеканила она. — Но тебя вчера не было. Куда опять пропал, ты мне, разумеется, не расскажешь...

Вчера вечером, Маша? Если бы ты могла меня увидеть, то я очень медленно, практически незаметно для тебя, падал на бесконечную асфальтовую полосу, которая идет из пустоты в пустоту. Падал и молился, чтобы осколки падающего самолета пролетели мимо.

Когда ты сегодня утром ела мюсли, я спасал человека. Чуть позже, примерно в твой обеденный перерыв, второго человека я решил оставить умирать. Но этого ничего, ведь он грустный и скучный. Мне даже за это заплатили шесть тысяч рублей.

— ...поэтому я решила — прощай. Хватит этого маскарада. Я ушла. С разводом разберемся позже.

— Да подожди ты, я тебе все объясню! — заорал я в трубку, но там уже шли гудки. Я плюнул, запихал телефон в карман и быстрее зашагал в сторону дома.

Да и что я ей мог сказать?

Букет улетел в ближайшую урну.

Я опоздал минут на двадцать — на плите стоял горячий чайник, на столе — чашки. Посуда мытая в посудомойке, мусорка пустая и со свежим пакетом. Машка чистюля. Не удивлюсь, если она сперва прибрала квартиру и только потом позвонила мне и ушла.

В ванной на раковине одиноко чернела бутылка дешевого мужского шампуня. Десятки разноцветных тюбиков и баночек, вместе с пилочками и прочим женским скарбом исчезли, как и остальные её вещи: одежда из тумбочек и шкафов, фотографии, коробка с кольцами и цепочками, которая стояла у её кровати. Нет даже солонки в виде забавного голубого ангелочка, которую она однажды зачем-то купила на Баумана. Не доставало также большой холщовой сумки, которая всегда лежала на шкафу в прихожей.

Маша забыла разную мелочевку, например шампуня еще лежат в шкафчике под раковиной, но внешне моя квартира теперь была на сто процентов холостяцкой.

Я один съел четверть торта, заедая апельсинами и запивая соком. Никак не мог наесться досыта и тогда сварил черные спагетти, съел полтарелки, мокрыми, постными и пресными, прежде чем вспомнил про рыбу и сыр.

Раз десять брал телефон, думал набрать Машу, потом кидал его обратно на стол. Перевел арендатору часть денег за квартиру, пообещал докинуть остаток до конца недели. Включил сериал, но смотреть не хотелось. Отрезал еще

пломбира.

Первый плюс одиночества — не нужно делиться тортом...

Скачал дурацкий шутер, который вышел еще в начале нулевых и, пока не стали слипаться глаза, сидел и убивал фашистов на второй мировой, бегал под пулями и чинил телеграфный кабель, подрывал танки и прыгал в окопы.

За секунду до того, как заснуть, подумал: методы наших спецслужб довольно рабочие. Стоило получить на шесть тысяч рублей больше, чем рассчитывал — и вот я на полдня уже почти забыл про смерть Духа.

Или меня встреча с Кобурой так выбила из мыслей

Или уход Машки...

А может, просто у меня такая натура?

Глава 4

До того, как съехаться с Машей, я жил с мамой, в Дербышках — это отдельный маленький городок рядом с Казанью: зеленый, тихий, окруженный березовым и сосновым лесами.

«Леса» — это просто слово, каждый из них можно за полчаса пройти поперек. Сибиряк или житель Дальнего востока только пфыкнет, увидев этот «лес» — как тут заблудиться, уйти в поход на неделю, набрести на медведя или оленя? У них белки чуть ли не по головам прыгают, а для нас встреча с ёжиком — событие, о котором с гордостью рассказывают с друзьями.

Но для меня это все лес. Со школы полюбил уходить туда и бродить, смотреть на небо, дышать травой и слушать тишину, а самая магия начиналась ночью, когда метров через десять ты переставал различать тропинку под ногами и погружался во мрак, в котором можно бродить час, а то и два.

Бояться нечего. Медведей нет, волков нет, на весь лес один маньяк — это ты, больше не найдется дураков бродить по лесу ночью в одиночку. Иди себе, слушай шорохи в кустах и изо всех сил думай, что тебе совсем не страшно. Пару часов такой прогулки — и голова становится чистой, а с души спадает любой камень, который вырос там с понедельника.

Как отдыхать и развлекаться в городе, я до сих пор не знаю.

А вот Саня — младший брат Маши — знает все это очень хорошо. Да и пусть знает, я не против, но уже ломится в мою дверь, а я иду открывать — так медленно, насколько могу, чтобы отсрочить неизбежное.

Саня внешностью и повадками очень похож на кинообраз Александра Петрова в сериале Полицейский с Рублёвки. Наглый, смелый, открытый балагур — полная противоположность строгой спокойной Маше. Я слышал, такое часто бывает среди братьев и сестёр.

Саня пожал мне руку, хмыкнул и, не разуваясь, вышел на балкон и закурил сигарету. Я к нему уже привык, поэтому спокойно пошел поставил чайник и разломил в чайник пуэр.

Но сегодня он перешел все границы. Я сперва почувствовал едкий дым, а потом обернулся и увидел, как он дымит прямо на кухне.

Он загасил папиросу в раковине, кинул в мусорку, сел, выпил пуэра, поморщился. Отправил в рот ломоть сыра с плесенью, довольно улыбнулся и по-хозяйски кивнул.

— Ну, рассказывай.

— Что именно?

— А не очевидно?! Как Машка от тебя ушла, рассказывай.

— Ну и о чем тут говорить?

— Ты не подумай! Удивляться здесь нечему. Как вы пять лет продержались — вот это удивительно! Скажи главное — она сама ушла или ты её послал?

— Ушла.

Он кивнул с такой миной, словно услышал хорошую новость, взял телефон и начал что-то кому-то писать.

— Я стал чуточку богаче. — он закинул ногу на ногу. — Мы с Геной забились, кто из вас кого в итоге бросит. Короче, мой печальный друг... — смартфон исчез во внутреннем кармане косухи, а руки забарабанили по столу. — Я знаю, что идти ты никуда не хочешь, а хочешь провести в этих четырех стенах до конца своей жизни. Давай так: если я тебя удивлю — идешь со мной?

Опять что-то придумал...

— Ну валяй...

— Смотри! — он поднял ногу в кроссовке. — Стоят восемь тыщ!

Я присмотрелся и не понял, за что здесь восемь тысяч — кроссы как кроссы. Подошва, черно-белый тор, белые шнурки.

Пожал плечами.

— Погоди... — Саня щелкнул выключателем и, судя по звуку, прищелкнул пятками. Кроссовки тут же засияли красно-зелено-синими огоньками, разноцветные неоновые полосы побежали от пяток к носкам. Цветные огни легли и на пол, отразились в холодильнике. Саня словно стоял на платформе света.

Я залюбовался. Пришлось признать.

— Да. — говорю. — Прикольно.

— Во-о-о-о-о! А я что сказал? Одевайся давай, нас уже

машина внизу ждет.

Около года назад я у него переночевал, после шумного, но душевного квартирника. Маша ушла раньше, а я остался до ночи, а потом мы поехали на такси домой — жили в одном районе. По пути он предложил переночевать у него. Пустил в чистую двушку на девятом этаже и махнул рукой: «Ешь, мойся, спи — все что найдешь, все твое»

Так обычно говорят, когда жрать нечего, а спать ты будешь на мятном диване или матрасе. Но я нашел у Санька полный холодильник разной снеди, в котором отдельная полка была выделена под банки с «Нутеллой». С пуэром я его познакомил позже — но нашелся простой хороший вкусный черный индийский чай.

Я съел полбанки этой нутеллы с хлебом, отрезал сыра, запил чаем. Впервые в гостях почистил зубы. В ванной над раковиной оказался шкафчик, подписанный «Гостевое» — там оказались новые нераспакованные щетки, зубная паста, свежее полотенца, мыло, одноразовые бритвы, а также четыре пачки презервативов «Durex», все размеры: S, M, L и XL. Еще почему-то пачка женских корейских прокладок. Видимо, Саня решил предусмотреть абсолютно всё.

На балконе оказался мягкий раскладной диван, с пледом, одеялом и ортопедической подушкой.

Засыпая, я подумал, что Саня оказался широкой души человек и просто не ставит границ между собой и другими

людьми и с большой заботой относится к каждому, кто попадает к нему в квартиру. Если ему можно — то и всем можно! Пожалуй, на таких людях держится мир!

Утром он меня разбудил, накормил завтраком, вызвал такси, хотя жили мы недалеко — до меня было 30 минут пешком. Я начал думать, что нашел лучшего друга. Когда мы прощались в дверях, он дал мне какой-то конверт. Сев в машину, я достал аккуратно сложенный вдвое лист а4 и всю дорогу дом дома в него пялился:

- Пользование зубной щеткой — 175 руб.
 - Пользование зубной пастой — 50 руб.
 - Пользование общим душем — 240 руб.
 - Чистое полотенце — 70 руб.
 - Пользование мылом и шампунем — 60 руб.
 - Уборка комнаты — 90 руб.
 - 1 койко-место vip (балкон) — 1400 руб.
 - Завтрак — 300 руб.
 - Дополнительные продукты питания (Nutella 312 г., хлеб белый 120 г., сыр 72 г.,)
 - 480 руб.
 - Такси до дома — 400 руб.
- Итого: 3265 руб.
- И ниже реквизиты.

Деньги я ему перевел — после того, как он мне позвонил вечером, поинтересовался как дела и напомнил об оплате. Тогда я убедился, что это не шутка и закинул «Итого» на

карту.

Жил бы я один, мы бы больше не увиделись. Но когда я рассказал об этом Маше, та только плечами пожала — надо, мол, понимать, никто задаром ничего не сделает. Поэтому Саня уже через неделю позвал нас на какую-то другую ту-совку и мы поехали.

Странно, но когда мы встречались, я каждый раз видел: ему со мной интересно. Он сам искал общения: подсаживался, заводил разговоры, пытался включить меня в беседы, которых я избегал.

К своим тридцати он уже сложил мир в простую и понятную картину, в которой каждое явление занимало отведенное ему место: люди, деньги, время, хобби, спорт. Каждому он уделял строго выверенное время, получая в ответ приятные и желанные эмоции.

Но со мной словно прикасался к неизведанному участку реальности, о котором ранее не подозревал. Каждый раз говорил со мной, словно пытаюсь нащупать больше этого мира, и каждый раз уходил недовольный, словно я — коварный — не захотел этим миром с ним поделиться.

Наверное, говоря со мной, он чувствовал то же, что я, стоя перед Зеркалом — «сейчас будет интересно».

Признаюсь, я ему завидовал — смелый, даже наглый, живет свободно и делает что хочет (в хорошем смысле). Умеет делать деньги и не видит в них ничего плохого. Много и громко общается, знает какое-то невероятное количество

людей. Завести знакомство, договориться, надавить, конфликтовать — для него как щелкнуть пальцами, а мне все это дается через чудовищную боль и сверхусилия.

Он хорошо понимает этот мир и сумел занять в нем свое место — в этом они с Машей похожи.

Мы поехали через центр, на квартиру к знакомым Санька: студентам лет по двадцать. Люди пили и веселились, все уже разбилась на несколько компаний человек по три-пять: одни играют на гитаре и пьют портвейн, другие режутся в настолку и глушат коньяк, третьи на балконе обсуждают литературу. На подоконнике со стороны улицы сияет в лучах фонарей бутылка шампанского.

Саня тут же куда-то приткнулся, а я полчаса потыкался по пространству, но себя в нем не нашел. И чего я приехал?

Пошел в коридор, надел кроссовки и уже застегивал куртку, как Саня возник сзади, как джин из бутылки. Кстати, бутылка тоже была на месте: в руках держал початую «Джек Дэниэлс», и прикладывался к нему, маленькими глоточками.

— Уже уходишь? Куда?

— Да вот думал... — я нашел оправдание. — Крышу дома проверить, вдруг открыта. Проспект рядом и парк — вид должен быть красивый... Потом народ туда позовем.

Саня глотнул еще «Джека» и прищурился. Я видел, как в его голове вращаются шестеренки, щедро смазанные виски. Еще один пазл вставал на место: «У высотных домов есть

крыша, с них красивый вид. На крыши можно залезать».

Он кивнул.

— Вместе пойдем! Момент...

Поставил бутылку прямо на обувную полку, зашел в комнату, приобнял девушку у стены, подпел гитаристу, забрал гитару, взял три аккорда на баре, вернул гитару обратно. Перекинулся с кем-то парой фраз, ответил на шутку, чем вызвал грохот смеха... зацепил со стула кожаную куртку и наконец вышел в коридор и нетерпеливо кивнул, словно это он меня звал.

— Ну же, идем быстрее!

Мы поленились идти пешком и проехали три этажа на лифте. Перешли по подъездному балкону в пеший коридор и уперлись в решетку, которая отделяла жилые квартиры от технического этажа с лифтовыми шахтами, доступом к управлению отоплением, газом, светом и связью с тв, радио и интернетом. Там же где-то дверь на крышу.

На наше счастье, решетчатая дверь оказалась чуть приоткрыта — замок на техэтаж уже кто-то скovyрнул. Мы тихо поднялись еще на этаж (кто тихо, а кто мурлыкал под нос музыку то из советских фильмов, то из американского кантри), я открыл обитую железом дверь — та скрипнула и в лицо ударил теплый воздух с запахом сырости, плесени и голубинового помета.

Технический этаж оказался светлый и большой, с каменными трехметровыми стенами из белого кирпича, крупной

бетонной крошкой на кафельном полу. Интересно, зачем здесь постелили кафель? Впервые такое вижу.

Чердак высокоэтажных домов пахнет иначе, чем у пятиэтажек. Здесь нет досок и стружки на полу — везде кирпич и камень. Бывает запах машинного масла — усиливается поблизости от лифта. В вентиляции и лифтовой шахте гнездятся голуби

Ноздри щекочет свежая краска — прямо у двери стоит ряд больших жестяных банок «Tikkurila». Возможно, один из жильцов не захотел хранить вонючие банки дома...

Повеяло свежестью — наверное, одно из окон на улицу открыто. Или дело не в этом? Я приняхался: нет, воздух такой же как обычно, затхлый и сырой, но что-то не так, только я не мог понять, что именно.

Саня шумно задышал, пьяно икнул.

— Пахнет как у моей мамы в больнице, когда там озоном палаты обрабатывают. Но откуда тут озон?

Так вот что я принял за запах свежести? Точно, озон. Но не может же здесь быть Зеркала, да и когда бы успели оборудование занести?

— Ну-ка посмотрим откуда пахнет... — Саня приняхался и пошел на запах, пританцовывая на ходу на манер Джека Воробья.

— погоди! — шикнул я, но Саня не послушал — пришлось идти следом и гадать — оно или нет? Может сломалось оборудование для интернета, закоротило провод или

еще что-то?

Мы шли по доскам, которые положили поверх мягких листов, похожих на поролон. Прошли длинный зал, сошли с досок на сухой чистый пол, который кто-то не поленился подмести. Запах стал сильнее.

— Осторожно, это стекловата. — Саня указал на желто-зеленые листы, которые лежали на полу. — Мерзкая штукovina, я в четырнадцать лет однажды на неё упал на стройке. Спина чесалась два дня!

Не того ты, Саня, боишься.

Мы осторожно пошли по вате, пытаюсь не поднимать пыли. Впереди еще одна белая кирпичная стена, она снова ого-раживала часть чердака. Запах озона стал сильнее.

Я обогнал Саню, обошел стену и замер. Зеркало висит над бетонным полом прямо справа от меня, рукой подать. Запах озона стал резким, почти нестерпимым.

Хотел схватить Санька и силой поволочь отсюда прочь, но не успел — когда я повернулся, в его глазах уже отражалось чуть растянутое мерцающее облако плотного тумана.

А потом Саня закричал.

Громко, пронзительно, словно ему отсекли без наркоза руку. Упал как подкошенный на стекловату, начал дергаться — не отводя глаз от Зеркала и не переставая орать. Лицо перекосилось от ужаса. Сучит ногами, хватает и дерет руками мягкую стекловату — в воздух поднялась едкая колючая пыль.

Я зажмурился, вдохнул поглубже и поволок его к выходу — Саня дергается у меня в руках, а потом, когда мы отошли от поворота, схватил меня за запястья и суетливо стал перебирать руками, на ходу добрался до локтей, плеч... Я уже испугался, что схватит меня сейчас за шею и задушит, но он вдруг прижался ко мне и задышал часто-часто, а полминуты спустя зарыдал, словно ребенок — не переставая орать.

Успокоился только, когда мы вышли из чердака в подъезд — перестал кричать так же внезапно, как начал. Но в себя не пришел, рухнул на пол вместе со мной, я еле высвободился из его хватки и сел рядом, тяжело дыша — Саня весил больше меня.

Только от Каина слышал, что происходит с людьми при виде Зеркала...

Отдышавшись, я попытался достучаться до Сани, чтобы отвести его вниз, но он сидел на полу, хлопал глазами, смотрел сквозь меня, ловил губами воздух и что-то тихо про себя бормотал. Из рта капала слюна, как у собаки.

О том, чтобы вернуться на квартирник, не могло быть и речи: он весь в пыли и стекловате — как и я.

Только бы в себя пришел...

Решил для начала вывести его на улицу продышаться, повел к лифту. Но, как только открылись лифтовые двери, Саня вдруг задергался и замотал головой, с ужасом смотря внутрь. Пришлось искать лестницу и вести его пешком восемь этажей, постоянно следя, чтобы он не споткнулся и не

ударился о стену.

На улице мы вышли во внутренний дворик, обошли куст и сели на скамейку, спиной к песочнице, лицом к подъезду — оттуда светил фонарь и мне хотелось видеть лицо Сани. Я боялся, что он закроет глаза и потеряет сознание.

Я слышал выражение «испугаться до беспамятства», но никогда не видел, как это бывает в жизни.

— Пить...

Я завертел головой. Район знакомый, в соседнем доме вроде есть магазин.

— Сань, я быстро, ты меня главное дождись, хорошо? Тут рядом магазин, я за минералкой сгоняю...

Он кивнул и я быстро пошел в сторону магазина. На полпути обернулся — он сидел на скамье в той же позе, и не думая куда-то уходить. Точно так же он сидел, когда я прибежал с двумя литрами «Аква Минерале».

— Ты как, нормально?

Друг мой сидел и просто молча смотрел в стену. Не убило. С ума не свело - на меня он реагирует. Только напугало, а влияет ли оно как-то еще на тех, кого пугает?

Я открутил пробку и еще раз протянул ему воду. Санек, не глядя, приложился и сделал несколько глубоких глотков — тут же закашлялся — газированная вода забурлила и пошла фонтаном из носа, из бутылки тоже пошел поток и окатил его лицо.

Не вытираясь, он повернул голову, посмотрев на меня

очень ясными глазами. По прежнему не говоря ни слова, встал, уронил бутылку на песок и пошел к кустам перед нами, на ходу расстегивая ширинку.

Прямо перед домом? И кусты всего то нам по пояс. Я поднял бутылку, смыл газировкой песок с горлышка. Хотел окликнуть Саню, и осекся: во двор въехал черный тонированный фургон, медленно и аккуратно объехал ограждение, встал прямо перед Саней, заслонив нас от подъезда.

Дверь с той стороны фургона отъехала, застучали шаги. Дверь закрылась обратно, хлопнула — машина медленно поехала вперед. За ней обнаружились семеро человек в черных костюмах и масках, в руках у них черные ящики и чемоданы. Двое несли здоровенный черный шкаф.

Первый раз вижу, как оборудование попадает к Зеркалу. На Саню не обратили внимания. Подошли к подъезду, тот, что шел первым, достал из кармана домофонный ключ, открыл — и весь отряд зашел внутрь, занося ящики.

Фургон доехал до конца двора, развернулся, заехал задом на газон и встал чуть поодаль, ближе к гаражам, которые отделяли двор от улицы. Припарковался под широкой веткой сосны, которая росла между гаражами, и замер.

Опасаясь к нему оборачиваться, я подошел к Сане — к счастью, тот уже застегнул ширинку. Теперь смотрел на меня и тяжело дышал. Для него эта история уже закончилась, а я краем глаза все следил за фургоном.

— Еще воды будешь? — я протянул ему бутылку. — Сань,

ты вообще как?

— Да пошел ты! — выпалил он мне в лицо, толкнул и медленно зашагал в сторону улицы.

Я выдохнул. Конечно, так себе благодарность за спасение, но хорошо, что живой. Такого ужаса в глазах, как у него на чердаке, я не видел никогда — словно на него бежало дитя Фредди Крюггера и клоуна из «Оно», которое скрестили с огромным пауком из Гарри Поттера...

А еще я подумал, что знаю Саню шесть лет, но человека в нем увидел только сейчас — когда он перепугался до полусмерти, а теперь послал меня и на дрожащих ногах ковылял прочь, вывалянный в стекловате.

Возможно я впервые видел его настоящее лицо? Не вечно сияющую маску денди-предпринимателя, а напуганного до чертиков человека, простого и уязвимого?

Или просто он теперь единственный из моих знакомых, с которым у меня есть что-то общее, пусть даже это «что-то» заняло пару секунд и чуть не свело его с ума...

Парадокс, но настроение улучшилось. На скамейке, в поту, пыли и стекловатной крошке, после забега с тяжеленным Саней на плече, мне дышалось легче, чем там, на квартирнике. Перед тем, как пойти домой, пришлось побороть желание подойти к фургону, постучать в окно, мило улыбнуться и сказать: «Открывай, свои!»

Сомневаюсь, что наши «грузчики» понимают шутки.

Глава 5

Стекловата была старой, рассыпалась в пыль прямо на коже, не сильно чесалась и очень быстро отмылась. Но я все равно минут сорок проторчал в душе, потом упал и спал без снов.

Наутро проснулся и около получаса лежал, пытаюсь понять, что не так. Потом услышал: в квартире тихо! Никто не трещит по телефону, не гремит тарелками, собираясь на работу, нет за стенкой двух-трех шумных малознакомых мне людей, которые хорошо знают Машу, а на меня смотрят так, словно я — лишний в своей же квартире.

Тихо, пусто и очень-очень хорошо.

Попытался вспомнить что-то хорошее из нашей жизни с Машей. На ум лез всего один случай, еще на заре наших отношений, в нашу первую ночь, когда после двух недель моих неуклюжих ухаживаний мы стали близки, на квартире общего знакомого, который попросил присмотреть за жильем, а сам уехал автостопом до Владивостока.

Сперва у нас случился тихий неумелый секс, в котором я пытался понять, как ей нравится, а она всё стеснялась и отказалась даже снять лифчик. В итоге, я не выдержал и наскоро кончил, а после мы лежали молча, в вязкой, липкой и тяжелой тишине. Я чувствовал — все, что я сейчас скажу, будет неуместно и нелепо.

Наконец она встала, подошла к зеркалу на дверце шкафа. Сняла (наконец то!) верх, кинула на стул.

Почему-то сейчас она перестала стесняться. Стала смотреть на себя в зеркало, поправлять волосы, потягиваться, что-то высматривать — то ли на лице, то ли на груди — небольшой, но округлой правильной формы, с красивыми небольшими нежно-розовыми острыми сосками. Я залюбовался, удивляясь — зачем прятала эту красоту?

Поймала мой взгляд в зеркале.

— Скажи, смог бы ты полюбить мои ключицы?

— Почему именно их?

— Не люблю их... выпирают, портят все! — она встала перед зеркалом, завела руки за спину, вытянулась. — Смотри сам: шея, плечи, грудь, а между ними — эти дурацкие бугорки..!

Эти её слова — помню, но забыл даже свой ответ. Потом я обнял её и у нас снова был секс — куда более успешный. Но что потом, во все эти пять лет — отрезало, как ножом. Наверное, надо просто отдохнуть и всё переварить...

Встал, заварил чай, сварил гречку и два яйца. Сажу, ем и понимаю, что мне не надо делать вид, что кого-то слушаю, понимающе кивать и переспрашивать, делая вид, что интересно.

Не надо говорить про чужую работу, про незнакомых людей. Еще лучше — не надо этих людей видеть! Когда в последний раз я себе позволял такую роскошь — видеть только

тех, кого хочу? Пять лет назад...

Как по мановению волшебной палочки, появилась уйма свободного времени. Работу сделал на три часа раньше, чем планировал. Как стемнело, съездил в город, залез на крышу сталинки через дорогу от Московского рынка — на угловом доме здоровенная пристройка в два этажа, на ней стоит трехметровая каменная ладья, на макушке которой в советское время висела звезда. Звезду давно сняли, остался тонкий шпиль, от которой до самого асфальта отходил громотвод — толстая рважая стальная арматура. Я зацепился за неё и залез на самую верхотуру, прямо к шпилю. Если днем я был бы здесь у всех на виду, то с заходом солнца сам город защищал меня: фонарями, огнями машин и светом из окон.

Огни города — это вуаль, которая скрывает от нас млечный путь. Из-за неё городское небо блеклое и бедное, а звезды можно пересчитать по пальцам. Зато достаточно подняться над огнями, уйти в темноту и ты укутаешься в эту вуаль, спрячешься в ней и никто в мире не узнает, где ты... а звезды засияют ярче.

Уютно сидеть тут, на шаг ближе к небу и понимать, что никто тебя не видит.

То же самое мне нравилось в поездках автостопом, или прогулках ночью по лесу: меня нет для мира, а мира нет для меня.

То же и в Зазеркалье...

Посмотрел в сторону дома, на чердаке которого мы с Са-

ней обнаружили Зеркало — найти его на ночной городской панораме невозможно, но я знал: на чердаке там пахнет озоном, вокруг Зеркала стоит аппаратура и роются как тараканы умные Мозги. Может быть, у них над душой стоит Каин.

Почему мы можем заходить в Зеркала, а Саню оно напугало до безумия? Почему Каин не может? Почему ученые ходят только в скафандрах? Почему-то кого-то оно убивает? От чего это зависит..?

Я вспомнил Ксюшу, Банана, Зигзаг. Вспомнил Духа... Что между нами общего? Девочка, у которой умерла мать, социоб-фрилансер... Дух — человек-депрессия, о котором я уже ничего не узнаю. Банан — просто пацаненок.

Зигзаг... Вот бы узнать, кто она и чем она занимается! Где живет, кем работает или где учится, о чем думает? Возможно, она прямо в этом доме, а я сижу у неё на голове?!

Ночь была тихой и безветренной, на небе не облачка — я сидел, умиротворенный, и от того вздрогнул, когда на верхнем этаже дома подо мной хлопнуло окно. Осторожно слез с пристройки, на цыпочках подошел к краю крыши, перелез через ограждение, лег на живот и заглянул вниз. Вдруг, она?! Бывают же чудеса на свете?

Толстая волосатая рука с сигаретой, на балконной балке. Повевал ветер, едкий табачный дым ударил мне в ноздри — я поморщился и кашлянул...

— Не понял! Ты чё там делаешь? — мужик перегнулся через подоконник, и теперь зло смотрел на меня пустыми

рыбьими глазами. — А ну пошел нахер отсюда!

Секунды на три я впал в ступор. Вот что мне сейчас делать? Спорить? Не о чем. Не уйти? Продолжить орать. Послать его? Выйдет на крышу, а это опасно — и для него, и для меня.

— Мне кажется, ты бы сразу умер. — сказал я неожиданно сам для себя. — Но скорее всего, даже и не нашел бы. Придумал бы тысячу важных дел, сел за телевизор или дрыхнуть под пивас...

Мужик аж сигарету выронил. Та пару секунд падала вниз, потом ветер кинул её об стену, она взорвалась яркими искрами и слилась с вечерним сумраком.

— Ты че, вообще берега попутал? — он пучил глаза и, кажется, собирался прямо через окно прыгнуть ко мне. — Да я тебе...

Он говорил что-то еще, очень грозное и опасное, как он сам думал — но я уже шел к двери на чердак и меня не покидало чувство, что я нащупал что-то важное. Что именно — не мог пока объяснить сам себе.

Я ждал, но Каин не позвонил ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю.

Все еще висел вопрос с разводом, но я не торопился. Жениться не собираюсь, штамп в паспорте меня не волнует, поэтому пущу всё по течению! Машка на связь выйдет — там и разберемся...

Но все равно сидел как на иголках. Если раньше я просто жил, то теперь знал — Зеркало открылось, осталось дожидаться, когда нас вызовут.

Через три дня не выдержал, вернулся к тому дому. Сперва заглянул за угол — машина с тонированными стеклами все так же стоит во дворе. Я дошел до подъезда, поискал в карманах универсальные домофонные отмычки... оставил дома.

Но оставался метод «газетчика».

Набрал случайную квартиру, чтобы попросить открыть — гудков за двадцать трубку так никто и не поднял. Не повезло... Второй, и в третьей квартире то же самое. Невезуха... Меня взяло упрямство и я прозвонил в десять квартир подряд — никого!

Отойдя на пару шагов, посмотрел на окно подъезда над козырьком и увидел, что форточка там открыта. Время акробатики... Мельком огляделся и убедился, что на меня никто не смотрит, а машина скрыта за густыми кустами, и по желтой газовой трубе залез на козырек, а после — протиснулся головой вперед в широкую форточку подъезда.

Постоял, прислушался, в любой момент готовый убежать, или с невозмутимым видом начать подниматься по лестнице — разные бывают жильцы. Но в подъезде абсолютно тихо.

В жилых советских многоэтажках тишина — это редкость. Залает собака, заплачет ребенок, кто-то горячо заспорит, или просто повысит голос. Ремонт, опять же: громовые дрели и перфораторы.

Я обернулся, выглянул в окно, в которое залез и только сейчас, со стороны, заметил, что двор абсолютно пустой — на скамейках не сидят пенсионеры, в песочнице не играют дети. Никто не гуляет во дворе — а еще до сих пор никто не вышел из подъезда, или не попытался в него зайти, а я здесь уже минут десять и сейчас, по идее, самый разгар дня.

Перед лифтом на полу лежат две кучи одежды — взрослая: строгий женские пиджак и брюки и детская: штаны с помочами, зеленая футболка с динозаврами и панамка. Я осторожно поворошил одежду носком кроссовка — под детской стояли детские сандалики, под взрослой — разношенные потертые женские туфли на коротком каблуке. Может, тут прачечная на первом этаже и кто-то нес вещи в стирку? Странно все это.

Поднялся на лифте до верхнего этажа, осторожно открыл дверь на чердак и минут пять вслушивался в сумрак и тихий шелест прохладного сквозняка. Потом зашел, поморщился от запаха краски, принюхался... озоном не пахло. Я осторожно пошел по сухим доскам — они все так же лежали вдоль всего чердака, по стекловате, только сама стекловата начиналась раньше и несколько тюков с ней лежали у дальней стены — похоже, что утепление дома в самом разгаре.

Зеркала не было. Сами собой они, если верить Каину, не закрываются. Все уже произошло без меня?

Ящики, которые несли грузчики, лежали прямо тут, нераспакованные, либо уже запакованные обратно. Только

один прибор стоял у Зеркала и на нем по центру мелькала красная лампочка, словно подавая сигнал тревоги.

Вокруг лежали груды черной одежды и защитных комбинезонов — будто тот отряд снял их, побросал на пол и пошел купаться.

Я выхватил смартфон, нашел контакт Каина, написал смску: «Я исключен?»

«С чего ты взял?»

Я чертыхнулся. Маленькая недоговоренность в начале и вот уже надо выкручиваться.

«Давно не ныряли. Подумал, вдруг уже не при делах.»

«Не бей копытом, Дятел! Как только так сразу вызову. Не я открываю Зеркала».

Темнит?

Каин позвонил через два дня. Под сердцем тут же сладко защемило — первым он звонил только чтобы позвать на нырок.

Только в этот раз все шло не так, как обычно.

— Дятел, появилось новое Зеркало. Я сброшу тебе метку на карте, встречаемся там через час. Костюмы и инструктаж получите на месте. Вопросы есть?

— То есть, я сам туда приеду..?

— Да.

— А какой коэффициент?

— Все на месте. — и отключился.

Метка пришла совсем в другой дом и район — здоровенная новостройка, в получасе ходьбы от Компрессорного завода, в двадцати минутах до Казанки, если по прямой.

А что с прошлым домом?

Автобусная остановка рядом с местом встречи, но еще на подъезде автобус вдруг встал в пробку и полчаса двигался по метру в минуту. А потом к кабине подошел человек в форме и что-то сказал водителю, тот громко выматерился и закурил сигарету.

— Едем в объезд! По пробке! — гаркнул в салон. — Есть кто на выход?

Я вышел прямо на проезжую часть — благо, машины стояли. Автобус встал на перекрестке и теперь, похоже, собирался развернуться, усугубляя пробку. Водители лениво переругивались из окон.

Я посмотрел вперед и понял, что это надолго.

Дорога к Компрессорному заводу перегорожена тремя здоровенными камазами с красно-белыми линиями на боках и кузове. На кузове сидели люди в форме с красными беретами и спокойно смотрели на пробку. Росгвардия.

В паре метров перед камазами на асфальте стоят два нелепых черно-белых пластмассовых шлагбаума — они даже дорогу перегораживают не полностью, а только по центру. За ними стоит полиция, разворачивая машины.

Водитель из потрепанной хонды пытался ругаться, требуя

«дать проехать». Полицейский спокойно ему что-то объяснял.

Все выглядело так, словно дорогу перегородили срочно, полчаса-час назад.

«А что случилось?» — спросил кто-то из машины.

«Говорят, высотку заминировали!»

Наши нырки напоминали партизанские вылазки — тихо приехали и так же уехали, не привлекая лишнего внимание, но в этот раз я словно шел в эпицентр военных действий.

Справа от дороги небольшой парк: фонтан по центру, деревья, кусты, клумбы с тюльпанами — сейчас битком набит самого нелепого вида народом. Кто в халате и тапках на босу ногу, кто с детьми и чемоданом подмышкой. Некрасивая прыщавая женщина ревет в полный голос, её полуобнимает хмурый толстый мужик в шортах и майке.

— Из того дома эвакуировали. — сказал кто-то рядом. — Говорят, фундамент просел и он рухнуть должен с минуты на минуту.

Я машинально кивнул. После последней недели, которую я провел наедине сам с собой, общаясь только с клиентами и только в переписке — голова трещала от хаоса и суеты. Я глубоко вдохнул и представил, что вокруг меня прозрачный кокон, словно фантастическое защитное поле.

Стало легче. Я обогнул машины, вышел на тротуар и пошел по дороге к тому самому дому. Разумеется, всё перегородили из-за него, какие тут могут быть сомнения?

Только метров через пятьдесят я вдруг понял, что иду по улице абсолютно один — никого сюда не пускают, а меня даже не окликнули.

Впереди отряд полиции — крепкие, коренастые парни с кобурой и дубинками на поясе, у одного из них рация. Неторопливо прохаживаются по проезжей части — видимо, чтобы вылавливать и разворачивать случайных прохожих.

Один из оперативников стоит у меня на пути, смотрит как бы на меня, но немного вбок. Чем ближе подхожу, тем неуместнее себя чувствую. Понятно, что мне — «туда». Понятно, что дороги перекрыли, машины и людей разворачивают только с одной целью — чтобы мы спокойно сделали свою работу. Но вот этот плечистый человек с автоматом — понимает это или нет? А если остановит — что ему сказать?

Остановился, достал телефон, набрал Каина — занято. На второй и третий раз — тоже. Придется идти...

Не зная, как вести себя, я попытался идти независимо, словно так и надо — но постоянно старался поймать его взгляд, получить хотя бы формальное разрешение на проход. Но оперативник упорно меня игнорировал. Не решившись обратиться напрямую, я просто прошел мимо, решив — в случае чего, остановит. Но он демонстративно повернулся и прогулочным шагом пошел в другую сторону, внимательно разглядывая газетный киоск у дороги. Два человека за ним, не сговариваясь, тоже развернулись и теперь что-то высматривали на противоположной стороне улицы.

Дальше не встретил ни людей, ни патрулей. Из окон пятиэтажки, мимо которой я шел, заинтересованно глазели жители — похоже, вывезли только целевой дом, а их просто попросили не выходить на улицу.

— Что случилось, вы не знаете? — вдруг спросили женщина из окна второго этажа. — Утечка газа, говорят...

Я молча пожал плечами и быстро пошел дальше, чтобы не пришлось врать.

Со стороны перегороженного проспекта доносятся крики, сигналият машины, но вот я зашел за поворот, и вот уже иду в тишине.

Дошел до высокоэтажки и сразу задрал голову, посмотрел на самый верх. Как сейчас помню: в подъезде на этаж выше последней жилой части подъезд перегорожен широкой сеткой, в которую я с легкостью пролезаю. С последнего балкона остается перелезть через ограждение — и вот ты на первом уровне крыши. Нужно немного пройти до лестницы и забраться еще на три этажа — и с высоты двадцати четырех этажей открывается панорамный вид на реку Казанку, мост Миллениум, зеркальный монумент ЖК «Лазурные небеса» и стадион Универсиады, который мне напоминает исполинскую черепашу.

Интересно, куда мы лезем сейчас, а главное — зачем вывозить жителей?

Двор под охраной, внутрь ведет калитка с домофоном — сейчас она открыта, на входе несколько обычных полицей-

ских — как и все остальные, упорно меня не замечают. Когда я проходил мимо, у одного из них зашипела рация и что-то пробормотала.

Я зашел во двор и сразу услышал тонкий и мелодичный звон, словно от хрустального колокола — только звук не затихал, а пел сильно и ровно.

Во внутреннем дворике, сразу за поворотом после угла дома, на скамейке рядом с песочницей сидит Зигзаг. Чуть поодаль переговариваются о чем-то трое в форме. Дети, похоже, еще не пришли.

Подойдя ближе, увидел, что Зигзаг держит поющую чашу и водит по ней пестиком — чаша поет. Увидела меня и улыбнулась, но инструмент не оставила.

— Сегодня луна в третьем доме! — сообщила она последние новости. — Прямо как когда я родилась. Это все к новому общению и старым связям, а еще в это время хорошо заводить новые хобби и готовить блюда из нута. Ты любишь хумус?

Я сел рядом, внимательно посмотрел на неё. Зигзаг была как всегда — радость, красота и капелька безумия, но мне показалось, что она устала, или не выспалась — под глазами мешки.

— Зигзаг, а что происходит?

— Я сама не знаю и никто не знает. — тихо ответила она. — Каин обещал все объяснить, когда придет, пока я слышала только, что все идет не так, как мы привыкли. Людей всех

почему-то вывезли... Тебе страшно, Дятел?

Чаша поет и её пустая полость кажется мне центром галактики. Все вокруг движется: звезды загораются и гаснут, на планетах рождается и умирает жизнь, кометы пронзают миллиарды километров, чтобы найти свою цель и сгореть... люди паникуют и суетятся, деревянный пестик послушно бегаёт по кругу... а чаша неподвижна... она тихо и упрямо держит свою упругую ноту.

Я улыбнулся и сказал так уверенно, как смог.

— Не очень. Мы же даже не знаем, чего бояться. Узнаем, вот тогда и будем дрожать изо всех сил!

Она улыбнулась и кивнула, но я видел — её что-то тревожит.

— Вот форма. — махнула она на соседнюю скамейку, где лежал аккуратно сложенный черный костюм.

— Что, прямо здесь? — двор пустой, но на меня смотрит примерно сотня окон.

— В окнах никого нет, «эти» — кивнула она на полицию. — На нас не смотрят. Детей нет... Кстати, я очень рано пришла, а ты обычно приезжаешь последним. Может, Кобуру и Банана решили сегодня не брать? Только Дух остался?

Где-то в районе сердца у меня лопнул маленький воздушный шарик.

— Дух... не придет.

Чаша перестала петь.

— Почему? И откуда ты знаешь?

Уже забыл, что из всех нас о его смерти только я и знаю. Плюс Кобура. Дети вышли раньше, а Зигзаг и вовсе отключалась.

— Он вырубился за пару шагов до Зеркала, и вытянул я только тебя...

Девушка не ответила. А потом вдруг ткнулась лбом мне в плечо и шмыгнула носом.

— Эй, ты чего? — я приобнял её.

— Дурак ты. Спасать надо тех, кому это полезно. Вот спас меня — и какой от этого толк?

— Зато мне за это премию дали. — огрызнулся я, встал и стал снимать штаны, чтобы переодеться — а заодно и Зигзаг не успела ответить.

Что же такое то? Когда её рядом нет, я готов на всё, лишь бы её увидеть. Но стоит поговорить с ней пять минут и мне хочется её прибить.

Полиция совсем про нас забыла — троица ушла ближе к подъезду, села на лавку и закурила. Тонко и нахально просвистела птица, пролетев мимо. Костюм как всегда как новый, плотная ткань с усилием обтягивает руки и ноги. Я застегивал молнию на спине, как вдруг Зигзаг тихо спросила.

— Скажи а тебе с прошлого нырка тоже снятся эти сны?

— Сны? — удивился я. — Снятся конечно. Иногда не снятся. Или ты какие-то конкретные сны имеешь ввиду?

Она вдруг замерла, а потом молча взяла в руки чашу и снова начала аккуратно водить пестиком по внутренней сто-

роне. Чаша послушно заиграла, галактика опять начала тихий хоровод.

Я заправил шнур замка в петельку на шее, потянулся, расправил эластичную мягкую ткань. Обошел Зигзаг и обнаружил, что она смотрит стеклянными глазами в одну точку перед собой. Пестик медленно гуляет по чаше, та поет, но теперь казалось, что это сирена тревоги...

— Прости. — вдруг сказала девушка бесцветным голосом. — Я не хотела...

— За что простить? — не понял я.

Оглушительно хлопнула дверь подъезда. Полицейские подскочили на месте, попытались спрятать от Каина сигареты. Я ждал, что он наорет, но тот подошел к ним вплотную и сказал им что-то так тихо, что я не услышал даже его голоса.

Стоящего по центру полицейского передернуло, другой отшатнулся. Третий выпучил глаза, а челюсть его отвисла.

— Подберите сопли, граждане. — хищно улыбнулся им Каин. — Верьте в лучшее и рынок труда предложит вам много удивительных открытий.

Перечеркнув, по всей видимости, их карьеру в органах, он подошел к нам и сел слева от Зигзаг. Какое-то время смотрел перед собой и молчал, мы тоже не решались нарушить тишину.

Наконец он повернул голову и кивнул на поющую чашу.

— Зигзаг, это два предмета: чаша и пестик. Один нужно оставить.

Я взял пестик.

— Этот — мой.

Тот пожал плечами и кивнул. Формальность, смысла которой мы не понимали, была соблюдена.

— Сегодня только вы двое.

— А дети почему не придут? — спросил я.

Вместо ответа — резкий, жесткий взгляд исподлобья. Вот только что Каин улыбался, а сейчас словно хочет меня убить.

«Ты знаешь» — говорил этот взгляд.

Значит, о нашем разговоре с Кобурой стало ясно. Значит, и разговор подслушивали и узнали, что и они с Бананом открыли друг другу свои имена.

— Мы теперь с Зигзаг вдвоем?

— Зачем задавать очевидные вопросы, Дятел?

— Тогда вопрос посерьезнее. — меня начинала злить эта навязчивая недосказанность. — Откуда такая паника на улицах?

Каин сел поудобнее, достал сигарету, закурил.

— Разве? — спросил задумчиво, как бы про себя.

— Там все перекрыто: от Компрессорного и до Фучика. И я видел, что вывели жителей этого дома. Стоят камазы Росгвардии поперек проезжей части, и дальше второе оцепление... Что происходит?

Каин всю мою речь кивал, как бы не желая спорить.

— Но для вас все остается по прежнему. Зеркало на закрытом чердачном этаже, сразу после выхода. Коэффициент

в этот раз детский — десять. Вернетесь меньше чем через час. Ну? Чего сидим? — он достал сигарету и закурил, глядя на нас с приподнятой бровью. — Справитесь на этот раз без няньки?

Каин всегда сопровождал нас до Зеркала, там суетился с мозгами, отслеживал вместе с ними показатели на оборудовании. Потом коротко инструктировал, желал удачи, и встречал у выхода. Сейчас даже к Зеркалу не поднимался — и я откуда-то уверен, что наверху, как и во всем доме, тоже никого нет.

— Что стало с Зеркалом на Чехова? Неделю назад.

— Откуда знаешь? — переспросил он быстро.

— Так вышло. Я его случайно обнаружил до того, как приехали ваши. Был в гостях, потом полез на крышу...

— Один? — как бы невзначай поинтересовался Каин.

С первой встречи не перестаю удивляться скорости, с которой он переключается между эмоциями. Радость, злость, спокойствие, равнодушие — для него словно инструменты, чтобы короче и эффективнее добиться от тебя того, чего хочешь. Я это видел, но каждый раз велся, как ребенок.

— С другом. — признался я. — Хотели пройти через чердак и вдруг наткнулись на Зеркало. Я ничего, а он чуть с ума не сошел...

Каин сидел и спокойно изучал тлеющую сигарету, внешне не выразив ни малейшего интереса.

— Понятно... Тогда расклад такой: вы сейчас идете на ны-

рок, а как вернетесь, я вам все и расскажу. Иначе это вас не касается.

Самый разумный вариант — переодеться в обычную одежду, развернуться и уйти. Что они мне сделают? Насильно в Зеркало не закинут, а никаких обязательств я не давал и договоров не подписывал.

Вряд ли со мной что-то случится. Возможно, будут пасти какое-то время, чтобы убедиться, что я не ищу журналистов и не собираюсь публиковать статьи. Просто Каин больше не позвонит, и вся история с Зазеркальем уйдет для меня в прошлое.

И Зигзаг.

— Я иду. — сказала вдруг девушка.

— Дятел, куда это годится? — весело подмигнул Каин. — Слабый пол тебя обставляет! Неужели бросишь прекрасную даму одну? А если в Зазеркалье её ждет живой дракон?!

Щеки запылали. Я молча встал и пошел к подъезду.

Глава 6

— Пошел, потому что я пошла? — спросила она, улыбаясь.

Я нажал кнопку вызова лифта.

— Ты меня просто опередила, Зи.

— Ой, ты никогда не называл меня Зи! — воскликнула она и захлопала в ладоши. — Мне нравится, называй меня теперь так всегда!

Грузовой лифт зазвенел, плавно раскрыл серебристые дверцы. Здесь влезла бы целая толпа народу, вместе с парой фортепиано, но мы, не сговариваясь, встали очень близко.

Теперь я чувствовал, что её светлые волосы пахнут легкими терпкими духами — она словно только что встала с лесного луга, на котором густо растет трава, ромашки и одуванчики. Я еле сдерживался, чтобы не зарыться носом в её макушку. Нажал на панели кнопку «24». Дверцы так же плавно закрылись, потом кабина дернулась и медленно поехала вверх.

— А что за Зеркало на Чехова?

— Я думал, мы сегодня туда...

Лифт оказался таким медленным, словно кому-то доплачивали за каждую секунду, пока он едет. До двадцать четвертого этажа я успел вкратце рассказать Зигзаг как мы с Саньком были на квартирнике, пошли на крыше, нашли Зерка-

ло...

За секунду до того, как двери лифта открылись, как раз закончил описывать, как позже вернулся в тот дом, про неестественную тишину, и как я по пути не встретил и даже не услышал ни одного человека.

— Тогда меня это просто удивило, а сейчас думаю, что это всё как-то связано.

Зи не удивлялась и не переспрашивала. Только кивала, словно соглашаясь. Мне даже показалось, что ей все это давно известно и она просто сверяет это с тем, что узнал я.

Потом лифт остановился, лифтовый гномик ударил в колокольчик и двери открылись. Зи взяла у меня из руки пестик и чаша в её руках снова запела, раздвинув мертвую тишину пустого жилого дома. В закрытом пространстве звук изменился, словно вместо одной чаши запела дюжина. Под это пение мы пошли через жилой этаж к двери на балкон, чуть шаркая по чистому мытому бетонному полу, обходя маленькие серые, как под копирку, коврики для ног.

На подходе к двери на подъездный балкон мы наткнулись на маленький потоп: в углу лежало ведро и швабра — похоже, их бросили впопыхах. Грязная вода из ведра маленьким ручейком, по стенке, бежала дальше по коридору.

Зи остановилась, словно мы не на лужу наткнулись, а на бурную реку. Я не торопил. Чувствовал: она знает что-то, чего весь мир не знает, и это что-то связано с Зеркалами, кучками одежды по всему дому на Чехова и её мешками под гла-

зами, словно она последние ночи разгружала уголь на вокзале.

— Зи, у меня такое чувство, словно ты что-то знаешь, но не говоришь.

Стоит и молча смотрит на отражение тусклой лампочки в луже, продолжая крутить пестик в чаше.

— Есть вещи, о которых я не могу рассказать — ни тебе, ни даже Каину...

Это «даже Каину» резануло слух. То есть, мне она доверяет меньше и сказать может меньше? Хотя чего я обижаюсь? Условия игры оговорены давным давно — мы не говорим друг другу лишнего, не рассказываем про свою жизнь, не открываем настоящих имен. Каин же наш куратор и логично, что с ним она более откровенна. Возможно, он уже в курсе всего, и они оба водят меня за нос!

— ...Иначе быть беде. Я и так сказала тебе слишком много.

— Когда?

— Там, внизу...

«Мы давно сказали имена друг другу, на ухо — это только вы взрослые такие послушные... » — вспомнил я слова Кобуры.

— Ты не обижаешься? — Зи смотрела на меня виновато, опустив руки с чашей. Отзвук её пения тихо таял в коридоре.

— Меня зовут Максим. — сказал я вдруг.

Зигзаг округлила глаза.

— Нам же нельзя...

— А еще говорят, что вредно есть много сладкого, а на ночь нужно обязательно чистить зубы блендамедом! А еще слушаться старших и начальника, не лезть куда не просят, тихо зарабатывать деньги и радовать маму... — я сам не понимал, откуда у меня в голосе столько обиды и злости. — Я думаю, что люди в доме на Чехова исчезли и все из-за Зеркала — поэтому из этого дома всех эвакуировали и послали только нас двоих. Может быть, мы через секунду тоже исчезнем. Может нет. Но мне хочется, чтобы в эту секунду ты знала мое имя... Даже если из-за этого случится что-то ужасное! От тебя я ничего не требую и не жду.

Ждал и надеялся, что она кивнет, назовет в ответ свое имя или просто сделает хоть какой-то шаг навстречу — даст мне самый маленький знак, что я все сказал и сделал правильно. Но она просто грустно смотрела на меня — словно не знала, как объяснить маленькому ребенку очевидные вещи, например что мама не может утром не пойти на работу и нельзя на завтрак вместо овсянки съесть пачку халвы и заесть все шоколадом.

Я плюнул в сердцах, прошлепал по луже, вышел на балкон. Не глядя на шикарную панораму двадцать четвертого этажа, большую часть которой закрывал сам дом, пересек балкон, вошел в подъезд и поднялся пешком еще на этаж выше, до решетки, которая отгораживала жилую часть дома от чердака.

Зи нагнала меня у этой двери, дальше мы поднимались молча.

Сперва я не понимал, куда мы должны подняться — чердака у этого дома нет, только выход на крышу у самого последнего балкона. Может, в этот раз вход в Зазеркалье появился на крыше? Тогда придется вернуться на балкон — там можно перемахнуть через решетку ограждения, сделав маленький шаг над пропастью, ухватившись сперва за поручень по периметру крыши. Секунда адреналина и вот ты на шаг ближе к небесам...

Но потом увидел Зеркало — прямо в подъезде, на последней площадке, перед дверью на крышу, запертой на ключ. Точно такое же, что и всегда — белесый продолговатый сгусток тумана.

Я замедлил шаг, поднялся, подошел вплотную, постоял, начал успокаивать дыхание и расслабляться. Зигзаг встала рядом. Протянула мне пестик, я стал вертеть его в руках, деревянный, гладкий, теплый от её рук. Тяжеловатый — наверное, из дуба или сосны.

Мы молчали, словно стеснительные малознакомые подростки, которые остались наедине. Я не знал, что ещё сказать, а Зи то ли чувствовала вину (за что?!), то ли боялась (чего?!), то ли все еще чувствовала необходимость ответить, но не знала, как.

Я постарался выкинуть мысли из головы и настроиться. Получалось. Чем дольше я смотрю на белесую мглу перед

собой, тем тише становится в голове. Уходит суета, уходят мысли, даже мир исчезает — привычный и затертый до дыр и кровавых мозолей. Остается только «неизвестно что» и оно прямо перед нами — шагай и ныряй в его объятия.

— Настя. — вдруг сказала Зигзаг.

— Кто? — опешил я, но девушка шагнула в Зеркало и исчезла.

Я тут же глубоко вдохнул и шагнул следом, чтобы не оставлять её одну. И только когда воздух вокруг загустел, а ноги нащупали мягкую податливую почву, я понял, что она назвала мне свое имя.

Первая минута.

Прохлада на лице. Туман не рассеивался, пару секунд я висел в пустоте, а потом ноги уперлись во что-то мягкое, но упругое. На секунду показалось, что за щеки меня трогает чья-то когтистая лапа...

Еле сдержавшись, чтобы не закричать, я уже отпрыгнул в Зеркало, но налетел на Настю и мы оба упали, поскользнувшись на влажной мягкой поверхности, которая вдруг разъехалась под ногами. Я вскочил, готовый хватать девушку и прыгать обратно, как туман наконец расступился, а за ним оказалась густая сосновая чаща.

Когтистая лапа — это широкая ветка сосны, одна из многих, свисающих до земли. Некоторые касаются кончиками изумрудного мха и лишайника, которые покрывают землю

сплошным мягким ковром.

Настя-Зигзаг смотрела на меня, сложив брови домиком — похоже, она не поняла, что меня так напугало. Она смотрела вокруг с удивлением и восторгом, какого не было даже в прошлый раз — а там мы стояли на дороге, посреди пустоты. Интересно, она сейчас видит то же, что и я?

Я показал жестами «уходим», но девушка вдруг прислушалась и осмотрелась, словно что-то искала. А потом присела и прыгнула, загребая воздух. Плавать в Зазеркалье нельзя — воздух здесь хоть и вязкий, но не настолько, чтобы грести в нем руками и ногами. Но Зи ухватила в прыжке за ветку сосны, легко забралась на неё и полезла по дереву вверх, как мартышка.

Вторая минута.

В Зазеркалье можно подтягиваться на двух пальцах и отжиматься в стойке на одной руке. В густом воздухе тело гораздо легче, чем в жизни — примерно как под водой. Я прыгнул следом за девушкой и тоже легко полез по веткам вверх. Упадем — не страшно.

Чувствовал себя как во сне — когда ты не замечаешь тяжести своего тела, не боишься упасть, расшибиться, одним прыжком можешь перемахнуть через пропасть или пройти по канату над пропастью. От Насти я не отставал и скоро мы устроились почти на верхушке ели.

Уже хотелось дышать. Руки и ноги вовсю ныли, в голове запульсировало. Но теперь я заметил то, что видела Настя —

прямо перед нами, метрах в ста, высилась еще одна сосна, в полтора раза больше нашей. На её верхушке словно горело маленькое солнце, я даже чувствовал на лице его теплые лучи. Ни разу в Зазеркалье я не видел ничего подобного, всегда только необычные только пейзажи и только пару раз — диковинные огромные твари, от которых мы сразу скрывались тем же путем, что и приходили.

Захотелось потрогать сияние... подавив самоубийственное желание, я посмотрел на Настю — она смотрела на звезду, как заколдованная. Потом посмотрела на меня и попыталась что-то сказать! Из её рта побежали вверх, к небу, крупные пузыри.

«Ты что делаешь, безумная?» — показал я ей жестами. — «Я тебя все равно не слышу, а тебе теперь срочно нужно вниз».

В ответ она широко улыбнулась.

Третья минута.

Живот дернуло и я осознал, что у меня грудь аж сводит от сокращений. Посмотрел на Зи — её тоже колотило: ходили ходуном живот и грудь, дергались руки, мышцы на шее сводило судорогой. Но она этого словно не замечала — устраивалась поудобнее, примеряясь к сосне в десяти метрах перед нами! Похоже, хотела прыгать.

Времени думать не было. Я прыгнул на неё, подхватил и шагнул с верхушки сосны вниз, в Зеркало, в полете обнимая девушку как можно крепче.

Мы падаем как во сне — медленно скользим по колючим веткам. Зи вырывается, я её держу, но чувствую, что руки уже слабеют, а в легких разгорается пожар. Не в силах сдерживаться, я выдохнул и увидел, как из моего рта вверх убегает тонкая прозрачная струйка, на ходу разбиваясь в пузыри. Рефлекторно вдохнул самую каплю воздуха Зазеркалья. Носоглотку и грудь обожгло как кислотой. Я замычал от боли, стиснул зубы, одной рукой зажал себе рот и нос, второй рукой все продолжая держать Настю, которая все вырывалась, пыталась ухватиться за пролетающие колючие ветки.

Четвертая минута.

В глазах темнеет. Золотое сияние слабеет, исчезает за этой темнотой, а также густыми ветками и толстыми стволами, которые закрывают небо над нами. Напоследок я услышал тихий голос — звучало то самое сияние. Голос почему-то мне знаком. Я прислушался:

— Скажи, смог бы ты полюбить мои ключицы..?

Потом мы рухнули на бетонный пол, а сырой душный воздух подъезда прорвался в легкие.

Глава 7

Задержи дыхание и окажется, что мир состоит из кислорода.

Остальное — выдумки. Земля и небо, деревья и дома, люди, голуби и собаки... камень и металл, кости и плоть, машины и дороги, мосты и самолеты... налоги и образование, законы ПДД и правило буравчика из курса физики средней школы — всё множится на ноль и перестает иметь значение. Только кислород реален, все остальное с каждой секундой все более и более растворяется в контракциях, мышечной ломоте, судорогах ног и рук, мурашках на лице, в руках и ступнях. В едком углекислом газе, который наполняет сосуды и сжигает твою плоть.

Потом первый вдох. Воздух врывается в легкие, обволакивает их прохладой... Вот он! Витающий вокруг мед, нектар, амброзия...! Наверное, такая же сладкая станет вода из оазиса, если на пару дней заблудиться в пустыне.

Первую минуту мы с Настей только дышали, со свистом, широко разинув рот, лежа на холодном полу. Через минуту, когда дыхание стало замедляться, я ощутил, что от пола несет сыростью и хлоркой, и недовольно сморщил нос. А после услышал всхлип. Настя сидела и плакала, словно я её чуть не убил, а не спас от смерти.

— Зачем ты меня остановил, я уже придумала, как до до-

браться до Двери?!

Это она про то маленькое солнце?

— Мы вышли на грани, ты бы не успела.

— Лучше бы я пошла одна!

— Осталась бы там...

Вместо ответа я получил увесистой металлической чашей по лбу, которую Настя каким-то чудом сохранила при себе.

Голову пронзила резкая тупая нестерпимая боль. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Шипя и сопя от боли, я сполз обратно на пол и теперь тер лоб, зажмутив глаза, сжав зубы и суча ногами по полу.

— Кто тебя такую позовет? — просипел я через боль. — Показалось, готов поспорить...

Слова повисли в пустоте, погремели эхом на пару этажей ниже и слились с побитой штукатуркой на потолке. Ниже хлопнула дверь на балкон.

Вот так. Общаешься с человеком, шутишь, дружишь, почти влюбляешься, ходишь в потусторонний мир, а потом спасаешь жизнь и он чуть не проламывает тебе черепушку!

Дура. Оставил бы по ту сторону — дали бы денег на вкусный торт с фисташками...

Когда я вышел из подъезда, Насти-Зигзаг уже нигде не было, зато от входной двери во двор к подъездам медленно шли люди, с сумками, пакетами. Кто в халате, кто в тапках на босу ногу... жилыцы. Как только успели добраться?

Шли, поглядывая на полицию и на меня: кто с опаской, а кто и со злостью. Плечистый мужичок в майке матерится в мою сторону сквозь зубы, закуривая папироску.

Каин поманил меня к дальней скамейке, за детской горкой. Там внимательно меня выслушал, только тянул сигареты одну за другой, успев за мой рассказ выкурить три штуки. К тому времени люди уже исчезли в подъездах, а двор остался практически пустым — только двое парнишек лет пятнадцати ходили туда-сюда, поглядывая на оперативников и изо всех сил пытаясь выглядеть гордо и независимо.

Настя, похоже, убежала еще до того, как я спустился.

Когда я закончил, Каин протянул мне сигарету.

— Скажи, приятный дым?

— Не курю.

— Я не спросил, куришь ты или нет. Дым, говорю, приятный. Сейчас курево в пачках — пополам сплошная химия вперемешку не то с табаком, не то с тополем. А эти я сам себе по утрам сворачиваю. Покупаю раз в месяц пачку чистого табака — есть в центре в переходе один небольшой магазинчик. Там лучший табак в моей жизни: не пересушенный, не влажный, без примесей. И папиросная бумага — тонкая такая, белая. На вид как из альбома, а на ощупь — нежнее кожи на гладком лобке девственницы. Закупаюсь и сам себе по утрам кручу папироски, вместо завтрака сразу одну выкуриваю. Так и день начинается.

Я молчал.

— Вчера прихожу — а там ряды зажигалок и пачек. Справные камел, мальборо, элэм... И продавец... был такой древний тощий дед в черном костюме. Потусторонний. У меня каждый раз было ощущение, что я покупаю курево у ангела смерти. А сейчас жирная баба, с губищами и в парике. У меня дома осталась заначка — три пачки, потом — хоть вешайся...

Он затянулся, долго и со вкусом, словно не курил, а потягивал через трубочку вкусный коктейль. Потом выдохнул, дым заklubился, окутал нас терпким горьким туманом. Я откашлялся. Для меня этот дым ничем не отличался от едкого смрада, которым наполняют мой подъезд алкаши с первого этажа.

— Из мира словно душа уходит, Дятел. И у меня стойкое ощущение, что уходит она в эти самые Зеркала. Они — словно дыры в пространстве. По ту сторону совсем нет жизни, и она по закону сообщающихся сосудов перетекает Туда...

— Это из-за магазина?

— Да магазин — это мелочь, а я говорю вообще... — Каин неопределенно покрутил рукой в воздухе. — Становится меньше интереса, вкуса, красок, событий. Все вроде то же, но поддельное. Как Лукьяненко писал: фальшивые елочные игрушки... Вот тебе еще пример: есть у меня коллега, дипломированный чайный мастер. Было время, я к нему домой заходил, он мне на выбор давал семь сортов пуэров и десятков каких-то там улунов... Сейчас дует по утрам дешевый кофе

со сливками. — Каин с отвращением плюнул в песочницу. — Все же было в порядке, а потом начало катиться к черту! Началось это лет десять лет назад — и ровно тогда же начали открываться Зеркала. Там как будто хранится то, что впитывает саму суть нашего мира, как губка...

Дятел, мы не просто так Зеркала называли «Зеркалами». Когда их плюс-минус изучили, то поняли, что они не просто проводят в тот мир, но еще и отражают... Штука в том, что мы так и не поняли, что именно!

Золотая дверь — она тоже как бы Зеркало... Но она не отражает, а вбирает и хранит за собой. Но суть та же — через неё можно попасть куда-то еще, на уровень дальше. А если она хранит... Может быть, там вся наша жизнь, вся суть, которая утекала у нас сквозь пальцы последние пять лет? Если до нее добраться, то можно вернуть её в наш мир? Наверстать упущенное?

На секунду его глаза остекленели, он смотрел вдаль и чуть вверх, словно видел что-то, мне недоступное.

— Нам надо выяснить, что за той Дверью.

— Если окажется ближе, то выясним. — буркнул я.

— Не окажется. — покачал Каин головой. — Дверь всегда будет примерно на том же расстоянии от Зеркала, что и сегодня. Свойства такие.

Я еще раз вспомнил ту высокую сосну и золотое сияние с самого верха...

— Тогда это билет в один конец, до неё три-четыре мину-

ты только в одну сторону.

На этот раз Каин молчал подольше. Закурил еще одну папироску, а пока дымил, я снял костюм и натянул трусы, джинсы и носки.

— Ты что-нибудь почувствовал, когда увидел ту Дверь?

Скажи, смог бы ты полюбить мои ключицы?

— Услышал... кое-кого.

— Бывшую жену, я так понимаю... — Каин мало того, что попал в десятку, так еще и не стал даже делать вид, что не в курсе. — Судя по твоему лицу сейчас, я угадал. А что, если за дверью — причина, по которой вы расстались? Не формальная, а настоящая: возможность повернуть все назад и переиграть. Подумай об этом. Дважды в одну реку не войти, время вспять не повернуть... Но у нас, возможно, есть такой шанс.

— А если нет? Если это ловушка, или золотое сияние — не то, чем кажется? Не дверь, а просто торчащая лампочка?

— Может быть и так. — неожиданно легко согласился Каин. — Ты уже знаешь об инциденте на Чехова?

— Это то, где было Зеркало, а сейчас нет людей?

Каин кивнул.

— Люди были. А потом исчезли. Вместе с группой наших, которые туда аппаратуру принесли и начали подключать. Видел одежду?

Перед глазами всплыли детские башмачки перед лифтом.

— Видел...

— Так по всему дому: одежда осталась, а люди пропали. Вот так вот.

Из-за дома вышла целая гурьба народа. Люди недовольно гудели, поглядывали в нашу сторону. Я слышал, как кто-то вполголоса гундит старое советское «совсем совесть потеряли!»

— Наши поставили кое-какую аппаратуру и мы тут же получили данные по Золотой двери. А после сигнал от группы пропал. Кому-то с той стороны очень не понравилось, что мы узнали... И этот Кто-то напал и постарался это знание стереть. Погиб целый дом. Теперь понимаешь, Дятел? Мы на войне...

— Я не служил. — буркнул я.

— Разве я требую от тебя ходить строем или стрелять по мишеням? — тихо ответил Каин. — Все, что требуется: понять, с кем или чем мы воюем и воюем ли? Разузнать правила игры: покер это, маджонг или бег наперегонки с яйцом в ложке... Сейчас у нас одни сомнения и догадки, а в последний месяц они начали множиться как кролики.... И мы думаем, что разрешить их можно, если заглянуть за Дверь. Да, это билет в один конец. Но кто знает? Возможно, там можно дышать? Надышавшись, пройти через Зазеркалье обратно?

Каин прокашлялся и голос его стал мягким, вкрадчивым как походка кота на охоте.

— И подумай только: в целом мире пара тысяч людей знают про существование Зеркал... Бывали в Зазеркалье — еди-

ницы. Только двое видели Золотую дверь воочию. А побы-
ваешь там ты первый... Это же круче, чем полет в космос!
Каково? — он улыбнулся и подмигнул мне, словно мы об-
суждали кому какие нравятся девушки.

А побываешь там ты первый...

Каин ничего не говорит просто так. Зная это, я все равно
не мог перестать вертеть эту фразу в голове, пока ехал домой
на автобусе, покупал в магазине кефир, поднимался к себе
на этаж.

О войне он заикнулся просто чтобы меня прижало от мас-
штабов, но зажег — именно этим. После того, как Зигзаг
огрела меня поющей чашей, я твердо решил слить Каину все,
что увидел, а после — распрощаться. Теперь я вспомнил об
этом только когда искал ключ в рюкзаке... Нет, каков мани-
пулятор! Так точно подобрать слова, чтобы я как дурак за-
горелся рисковать собой и дальше...

Пикнул телефон — пришли деньги за нырок.

Я вздохнул. Буду как и раньше, нырять в Зазеркалье,
смотреть на другие миры. Если и подбираться к Золотой две-
ри — то потихоньку, без риска.

Если Каин будет давить — пошлю его и уйду. Я ему ничем
не обязан.

Я вставил ключ в замок, три раза попытался провернуть
ключ, но он застрял. В сердцах толкнул дверь, а она оказа-
лась открыта.

Маша дома. Сидит на кухне и курит, а на столе листок бумаги и ручка. Я так растерялся, что забыл даже сказать «привет»...

Впрочем, она тоже встретила меня молча.

Сел, взял листок, прочел «Регистрация расторжения брака». Дальше юридический текст на всю страницу, и ниже два места для подписи — одна там уже стояла. Я кинул листок на стол.

— Поговорим?

— Давай не будем. Не о чем. Просто подпиши заявление о разводе и я уйду.

Чего мне с ней делить? Пусть идет. Но сперва нужно выяснить всего одну вещь...

— Подпишу. Но ответишь сперва на один вопрос?

— Возможно. — она отставила чашку и села ровно, посмотрела мне в глаза, словно принимая вызов. — Какой?

— Помнишь нашу первую ночь?

— Помню. — ответила она просто.

— Ты меня спросила, смогу ли я полюбить твои ключицы. Что я тебе ответил?

Маша подняла брови.

— Ты шутишь?

— Почему? — удивился я.

Она не спеша затушила окурок, достала пачку сигарет, достала еще одну, закурила.

Курить она начала в последний год. Сперва я просто по-

чувствовал, что дома воняет, но решил, что это надымили гости. На следующий день поцеловал её и сперва даже не понял, откуда этот вкус — как от жженого перца. Потом застал с сигаретой на кухне.

Сам так и не начал, хотя Маша предлагала, после секса так каждый раз, но в последний год он был максимум раз-два в месяц. Целовались мы тоже не слишком часто. К запаху я привык, поэтому решил: зачем мне с этим разбираться? Хочет травиться — пусть. Не маленькая.

На столе не оказалось пепельницы, пепел Маша стряхивала в чайную кружку. Смотрела на меня, будто оценивала. Наконец выпустила струю дыма в сторону и ответила:

— Ты ответил, что «ключицы выпирают, зато ноги тощие» — еще и посмеялся, вроде как это такая шутка. — вздохнула Маша. — Мне бы обидеться, уйти, а мне так тепло стало. Что вот такая я некрасивая, а ты все равно со мной. Тепло и... липко. Неприятно. Словно макнули в какашку, а потом обняли.

Я молча встал, достал с мойки блюдо, положил перед ней, вместо пепельницы. Маша даже глазом не повела.

— Помню, захотелось тебе доказать, что я могу быть лучше, красивее. Тогда же и начала доказывать... В ту ночь с тобой так и не смогла кончить, только сделала вид. В голове все твои слова... Все волновалась, что что-то не так, что я не такая... И все шесть лет пыталась что-то доказать — сперва тебе, потом себе, потом остальным, а теперь вот думаю —

зачем? Я и так сильная и красивая. Со мной все в порядке. В общем, пошел ты, Макс. Просто пошел ты.

Я думал, что после этих слов она встанет и уйдет. Но женщина, которая открыла мне душу впервые за шесть лет, докурила, затушила сигарету и продолжила смотреть на меня.

— Заявление подпиши. — постучала она указательным пальцем по листку на столе, словно вбивая гвоздь: «тук-тук-тук».

Я подписал.

Потом она сложила заявление в маленькую кожаную сумочку, не глядя на меня прошла в прихожую, застегнула сапоги.

Суется, я достал из шкафа и попытался подать ей пальто — она минуту пыталась попасть руками в рукава, а потом вздохнула, взяла его у меня из рук и надела сама. Молча кинула ключи на столик в прихожей. Открыла дверь и вдруг замерла в проеме. На секунду плечи поникли, она обернулась, опираясь рукой на дверной косяк:

— Я последние полгода решаю, расстаться с тобой или нет? А месяц назад вдруг подумала: вот будет у нас сын, назову его Слава. И что, он будет Слава Максимов? А если девочка — Юля. Юля Максимова? Это же как пулемет. Не звучит и вообще слишком это... Как ты считаешь?

Она растерянно улыбнулась и короткую секунду смотрела мне в глаза, словно всерьез искала там ответ. От железной леди за кухонным столом, светской тусовщицы, отличницы,

ценного сотрудника МВД не осталось и следа — это была моя Маша, в которую я влюбился шесть лет назад. Которая все эти годы день за днем таяла, как снегурочка под жарким солнцем, а я и не видел.

Так продолжалось секунды три, потом она снова выпрямилась, дернула дверь, вышла и захлопнула за собой.

Поскорее бы новое Зеркало открылось — пойти заглянуть в туманную бездну, прогуляться к Золотой двери, не торопясь, ощущая, как колотит сердце, сводит судорогой тело, тьма застилает глаза — и отдаться Зазеркалью. Хоть оно меня выбрало. Остальных убивает, пугает, отваживает... а мне все дороги открыты. Вот и зайти, осмотреться, лечь на землю, на траву, на асфальт, который проложил сквозь небеса неведомый демиург. Расцеловать, рассмеяться, выпустить весь воздух до остатка и дожидаться, когда бездна поцелует меня в ответ!

Понял вдруг, что не дышу с момента, как хлопнула дверь, а сердце колотится и уже сводит судорогами грудь... Задышал, поперхнулся воздухом и слюной. Закашлялся. Голова закружилась, я покачнулся и трахнулся виском о дверной косяк. В довершение меня вырвало чаем на ковер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.